

Татьяна де Ронэ

ЧАСОВОЙ ДОЖДЯ

От автора
мирового
бестселлера
«КЛЮЧ САРЫ»

Татьяна де Ронэ

Часовой дождя

Серия «Азбука-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65340867

*Часовой дождя: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-19707-7*

Аннотация

Татьяна де Ронэ – англо-французская писательница, сценарист, журналист и литературный критик, произведения которой переведены на многие языки мира и изданы миллионными тиражами. Но самый громкий ее успех связан с романом «Ключ Сары» и одноименным фильмом с Кристин Скотт-Томас в главной роли, обошедшим мировые экраны.

«Часовой дождя» – это роман редкой драматической интенсивности, в котором психологическому напряжению способствует апокалиптическое наводнение. Париж под водой, уровень воды в Сене поднялся на рекордную высоту, затоплены прибрежные улицы, сотни домов остались без электричества. Именно в это время Мальгарды собираются отпраздновать семидесятилетие главы семейства Поля, всемирно известного арбориста. Всю жизнь он ухаживает за деревьями и защищает их. Даже имена для детей он выбрал в честь липы, своего любимого дерева. Его жена Лорен целых два года планировала

это мероприятие, поэтому ни наводнение, ни проливные дожди, которые обрушились на Город Света, не могут воспрепятствовать празднику. Однако угрозой единству семьи становятся вовсе не чрезвычайные обстоятельства, а известная с незапамятных времен истина: нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.

Впервые на русском!

Содержание

Один	6
Два	44
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Татьяна де Ронэ Часовой дождя

Моей семье

*Звезды сегодня выглядят совсем иначе.
Дэвид Боуи. Странное космическое путешествие, 1969*

Tatiana de Rosnay

SENTINELLE DE LA PLUIE

Copyright © Éditions Héloïse d'Ormesson, 2018

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
& Associates

© А. Н. Смирнова, перевод, 2021 © Издание на русском
языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Один

*Я шел вдоль медлительной Сены
Со старою книгой в руках,
Тягуча, как боль от измены,
Меня омывала река.*

Гийом Аполлинер. Мари

Начну с дерева. Ведь с дерева все начинается и деревом все заканчивается. Это самое большое дерево. Его посадили раньше других. Точный возраст я не знаю. Может, три, может, четыре сотни лет. Оно очень старое и очень сильное. Оно выдержало страшные бури, его рвали с корнем остервенелые ветра. Оно стойкое.

Дерево не похоже ни на одно другое. У него свой собственный ритм жизни. Весна начинается для него тогда, когда все его собраты уже в цвету. Приходит апрель, и на верхних и средних ветках появляются новые листочки. А внизу оно кажется мертвым. Узловатое, серое, безжизненное. Оно любит притворяться мертвым. Это такая хитрость. И вдруг – словно бурный взрыв, все почки раскрываются. И дерево торжествующе стоит в своей светло-зеленой короне.

Когда я наверху, никто не может меня найти. Безмолвие не беспокоит меня. Да это и не совсем безмолвие, ведь

оно населено множеством негромких звуков. Трепет ветра. Жужжание пчелы. Стрекотание сверчка. Хлопанье птичьих крыльев. Когда мистраль начинает мести долину, ветки завыывают, как морские волны. Сюда я приходил играть. Это было мое царство.

Эту историю я рассказываю сегодня в первый и в последний раз. Я не слишком в ладах со словом, ни с устным, ни с письменным. Когда я закончу, то спрячу эти листки в какое-нибудь место, где их не найдут. Никто не знает. Никто не узнает. Я запишу эту историю, но показывать ее не буду. Она так и останется на этих страницах, как пленница.

* * *

«И вот так уже две недели», – равнодушно бросил Линдену водитель такси. Дождь лил стеной, поглощая дневной свет, словно серебристый, шуршащий занавес. Было всего десять часов утра, но казалось, уже настали пропитанные сыростью сумерки. Водитель сказал, что ему хочется сбежать из Парижа навсегда в милую его сердцу солнечную Мартику. К тому времени, когда машина, оставив позади аэропорт Руасси, выехала на автостраду и медленно, застревая в бесконечных пробках, добралась до окружной дороги, Линден уже не сомневался: шофер прав. За стеклом проплывали промокшие пригороды, мрачное скопление квадратных по-

строек, украшенных яркими неоновыми вывесками, мерцающими в струях вселенского потопа. Он попросил шофера включить радио, и тот отметил его прекрасный «для американца» французский. Линден улыбнулся вымученной улыбкой. И так каждый раз, когда он приезжает в Париж. Он объяснил, что, вообще-то, он американец французского происхождения, родился во Франции, отец француз, мать американка, и бегло разговаривает на двух языках с самого детства. Неплохо, да? Шофер стал перебирать кнопки радио, вообще-то, месье выглядит как самый настоящий американец: высокий, крепкий, джинсы, кроссовки, не то что эти чопорные парижане – костюм-галстук.

В новостях говорили только про Сену, Линден слушал диктора под скрип дворников, которые вели неравную битву с потоками ливня. Вода, прибывающая с 14 января – вот уже пять дней, – дошла до лодыжек Зуава. Линдену, разумеется, было хорошо известно, что огромная статуя у опоры моста Альма традиционно отмечает уровень Сены. В 1910 году, во время рекордного – такие бывают раз в сто лет – наводнения Зуав ушел в воду по плечи. Шофер вздохнул: реке ничего не помешает выйти из берегов, природа всегда побеждает, не надо пытаться ее укротить, она таким образом выражает свое возмущение. Пока такси медленно продвигалось в потоке машин, а дождь без остановки барабанил по крыше, Линден вспоминал текст письма из отеля, которое получил по электронной почте во вторник: «Уважаемый

господин Мальгард, мы будем рады принять вас с пятницы, 19 января по воскресенье, 21 января (выезд вечером, как вы просили). Ввиду подъема воды в Сене движение транспорта в Париже может быть затруднено, но, к счастью, отель „Шаттертон“ расположен вне затопляемой зоны, и, надеемся, у вас не возникнет проблем по приезде. Хотя, по мнению префектуры, в настоящий момент нет причин для беспокойства, мы считаем своим долгом предупредить клиентов. В случае возникновения каких-либо проблем мы всегда будем готовы вам помочь. С глубоким уважением».

Линден прочел письмо в аэропорту Лос-Анджелеса, откуда должен был вылететь в Нью-Йорк, где ему предстояло фотографировать какую-то английскую актрису для журнала «Вэнити фэйр». Письмо он переслал своей сестре Тилье в Лондон и матери Лоран в департамент Дром: предполагалось, что они приедут в Париж в пятницу. Отцу он ничего пересылать не стал, Поль признавал лишь бумажные письма и открытки. Ответ сестры, который он смог прочесть, приземлившись в аэропорту Джона Кеннеди, заставил его улыбнуться: «Наводнение? Что? Опять? Помнишь то жуткое наводнение в ноябре? А в июне 2016-го? Мы несколько месяцев готовили этот чертов уик-энд, а теперь?» Вместо подписи она поставила кучу злобных смайликов. Затем пришел ответ матери им обоим: «Если нужно будет, я приплыву на корабле, отцепив вашего отца от его деревьев. Наконец-то собраться вместе! Эту семейную встречу отменять нельзя ни в

коем случае! Увидимся в пятницу, мои дорогие!» Семейство Мальгард запланировало встретиться в Париже, чтобы отметить семидесятилетие Поля, а заодно и сорок лет их брака с Лоран.

Когда Линден в четверг вылетел из Нью-Йорка в Париж, его силы были уже на исходе. Два последних дня выдались весьма насыщенными, а до этого он несколько недель мотался по всему свету, работая по договорам. Ему бы хотелось вернуться в Сан-Франциско на свою Элизабет-стрит, к Саше и их кошкам. Последнее время они почти не виделись: его агент Рашель Йелланд была весьма энергичной и добывала ему контракты один за другим. После безумной скачки по миру он находился в состоянии крайнего истощения и мечтал о передышке. Но маленькому синему домику в Ное-Вэлли и его милым обитателям придется подождать, пока закончится семейный праздник. «Только вчетвером», – настаивала мать, когда несколько месяцев назад бронировала отель и заказывала ресторан. Ему не терпится их всех увидеть? – задавался он вопросом, когда самолет шел на посадку. Им так редко выпадала возможность побыть «только вчетвером» с тех самых пор, когда он, едва ему исполнилось шестнадцать, покинул отчий дом в Венозане. С отцом и матерью он виделся раз-два в году, а с сестрой – каждый раз, когда приезжал в Лондон, то есть довольно часто. Почему же это «только вчетвером» на сей раз и успокаивало его, и тревожило?

Во время перелета в Париж Линден читал «Фигаро» и проникся мыслью, что ситуация и в самом деле внушает опасения. Начиная с конца ноября взгляды парижан были прикованы к ногам Зуава. К счастью, благодаря современным технологиям наводнение можно было спрогнозировать за три месяца, так что на эвакуацию времени оказалось достаточно. Но сегодня проливной дождь не ослабевал. Вода в реке начинала подниматься, причем с угрожающей быстротой.

Преодолев несколько пробок под истеричные оповещения по радио, такси наконец переехало Сену по мосту Согласия. Дождь не ослабевал, Линдену с трудом удавалось разглядеть реку, он отметил лишь, что бурные потоки вспенились как-то необычно. Автомобиль медленно продвигался по бульвару Сен-Жермен, затем по бульвару Распай и остановился на перекрестке Вавен перед отелем «Шаттертон». Выскочив из машины, он метнулся ко входу в отель, но хватило даже этих нескольких секунд: потоки воды сплющили его русую шевелюру, затекли за воротник, пропитав водой всего целиком, до самых носков. Ледяной холод окутал его и не отпустил, даже когда он зашел в холл. Девушка-портье приветливо улыбнулась. Дрожа всем телом, с мокрыми волосами, он, улыбнувшись в ответ, протянул ей свой французский паспорт – у него было два паспорта – и учтиво кивнул, услышав: «Добро пожаловать, господин Мальгард». Да, сестра приедет позже поездом «Евростар», а родители – скорым из Монте-

лимара. Нет, когда именно, он не знает. Его предупредили, что поезд из Монтелимара прибудет на вокзал Монпарнас, а не на Лионский, который закрыт из-за угрозы наводнения? Нет, не предупредили. Но вышло даже лучше: вокзал Монпарнас в пяти минутах от отеля «Шаттертон».

Девушка, на бейдже которой значилось имя Агата, вручила ему паспорт и ключи и призналась, впрочем, довольно равнодушно, что восхищается его работами и счастлива принимать его в отеле. Он здесь тоже по делам, на Неделю моды? – поинтересовалась она. Поблагодарив ее, он покачал головой, объяснив, что здесь не по работе, у них семейная встреча, и в ближайшее время он не планирует никаких съемок, а просто собирается отдохнуть. С собой у него только один аппарат, старая любимая «лейка», – добавил он, – вся техника осталась в Нью-Йорке, у агента, а здесь он собирается фотографировать разве что родителей и сестру. Неделя моды вообще не стоит на повестке дня, он с удовольствием отдохнет от напыщенных моделек, дефилирующих на высоких шпильках, и вообще от этого мира моды в блесках и стразах. Девушка прыснула. Она слышала по телевизору, что если Сена будет подниматься с такой скоростью, Неделю моды вообще придется отменить. Теперь уже рассмеялся Линден. Причем не без злорадства, потому что понимал: отменить Неделю моды, открытие которой запланировано на завтра, было бы настоящей катастрофой – столько потрачено усилий, денег и времени. Затем девушка почтительно упомя-

нула имя его отца: как приятно принимать в отеле знаменитого Арбориста, Линден даже умилился, как пылко это было произнесено. (Она не догадывалась, как ненавидит отец это слово, которое ему кажется смешным и нелепым, и как нелегко нести ему бремя известности.) Господин Поль Мальгард – в высшей степени уважаемая личность, – продолжала она, – его борьба за спасение редких пород деревьев во всем мире заслуживает восхищения. Он счел необходимым предупредить ее, что отец очень застенчивый человек – не то что его развязный болтливый сын, – зато она получит удовольствие от общения с матерью, вот это настоящая звезда в их семье, и с сестрой Тильей Фавелл, тоже весьма занятная особа.

Его комната на пятом этаже, выходившая окнами на улицу Деламбр, оказалась очень уютной, удобной и мило меблированной, в кремовых и сиреневых тонах, разве что немного тесноватой. На столе корзинка со свежими фруктами, бутылка шампанского, шоколад, розовые лепестки и приветственное послание от директрисы Мириам Фанрук. Линден вспомнил, что мать выбрала «Шаттертон» еще два месяца назад, когда ей только пришла в голову мысль отметить эту двойную годовщину. «Шаттертон» описывался как «маленький очаровательный отель в самом сердце Монпарнаса», и отзывы на Трипэдвайзере были вполне благожелательными. Организационными вопросами она занималась сама, и Линден предпочел даже не вмешиваться. Билеты на самолет он

купил несколько недель назад, когда более или менее прояснились его планы, что для фотографа, работающего по контрактам, было почти подвигом. Лоран также выбрала ресторан, куда они все завтра отправятся ужинать. Ресторан «Вилла роз», удостоившийся в мишленовском гиде одной звезды, находился на улице Шерш-Миди за отелем «Лютеция».

Почему все-таки Париж? – задавался он вопросом, разбирая небольшой чемодан и вешая на плечики зеленый бархатный костюм, который собирался надеть завтра вечером. Тилья обосновалась в Лондоне с дочерью и вторым мужем, искусствоведом Колином Фавеллом, Лоран и Поль жили в Венозане, в департаменте Дром возле Севраля, а он с Сашей в Сан-Франциско. Так почему же Париж? У родителей с Парижем ничего не было связано. Или было? Линден размышлял над этим, развешивая влажную одежду и потом с наслаждением стоя под горячим душем. Он знал, что родители встретились в Гриньяне в то необычно жаркое лето 1976 года, когда Поль работал ландшафтным дизайнером в окрестностях городка. Они с Тильей знали эту историю наизусть. Лоран, которой только исполнилось девятнадцать, приехала тогда во Францию в первый раз вместе со своей сестрой Кэндис, старше ее на два года. Они родились и выросли в Бруклине, недалеко от Бостона, и в Европе никогда не были. Начали они с Греции, затем поехали в Италию, потом во Францию через Ниццу, Авиньон и Оранж. Останавливаться в Дроме они поначалу не собирались, но поскольку было

слишком жарко, чтобы продолжать путь, они решили переночевать в Гриньяне в маленькой уютной гостиничке. Под вечер этого душного дня сестры сидели, потягивая прохладное розовое, на площади у фонтана под статуей величественной госпожи де Севинье, чей громадный замок поднимался на вершине холма, когда за рулем своего грузовичка с прицепом появился Поль. На нем был линялый комбинезон, который он носил с таким щегольством, с каким Стив Маккуин носил форму гонщика, мятая соломенная шляпа, в углу рта болталась сигарета. Лоран следила взглядом, как он паркует грузовичок и выгружает оттуда горшки с кустами, собираясь отнести их в магазин по соседству. Он был среднего роста, широкоплечий и мускулистый, а когда снял шляпу, вытирая потный лоб, она увидела, что волос у него почти нет, только легкий пушок на затылке. Почти лысый, а ведь совсем молодой, нет и тридцати, так ей показалось. Кэндис спросила, почему она так уставилась на этого типа в комбинезоне, а Лоран прошептала: «Ты только посмотри на его руки». Удивленная Кэндис ответила, мол, руки как руки, ничего особенного, но Лоран, словно в трансе, повторяла, что никогда не видела, чтобы человек так нежно обращался с растениями. Их отец, Фицджеральд Винтер, был в свое время садовником, как и мать, Марта. Девушки выросли в зеленом квартале Бруклина, возле Фишер-Хилл, жители которого много времени проводили в своих садах и тщательно ухаживали за розовыми кустами – с секатором в одной руке и лейкой в

другой. Но этот человек был совсем другим, Лоран не могла отвести глаз от его сильных загорелых пальцев, она любовалась, как он склоняет голову, рассматривая цветок, как ласкает стебли и бутоны каждого растения, которое переносил из грузовичка, обхватив его уверенно и в то же время очень осторожно. Наверное, Поль почувствовал этот настойчивый взгляд, потому что в конце концов поднял голову и увидел сестер, сидевших в нескольких метрах от него. Хотя Кэндис тоже была очень красивой, внимание отца привлекла именно Лоран, ее ноги, длинные волосы, миндалевидные глаза. Он подсел за их столик и молча протянул ей маленькое оливковое деревце в горшке. Лоран очень плохо говорила по-французски, а Поль вообще не знал английского. Кэндис лучше владела языком, чем сестра, она переводила, но они едва ее замечали: просто голос, подбиравший нужные слова. Его зовут Поль Мальгард, ему двадцать восемь, и живет он в нескольких километрах отсюда, возле Севраля, по дороге в Ньон. Да, он любит растения, особенно деревья, у него есть прекрасный дендрарий в Венозане. Может, она согласится на него взглянуть? Он может ее туда отвезти, она не против? К сожалению, завтра они уже уезжают в Париж, затем в Лондон, а в конце лета возвращаются в Америку. Ну, может, она и могла бы остаться чуть подольше, надо подумать... Когда Лоран встала, чтобы пожать протянутую ей руку, оказалось, она выше его на целую голову, но им обоим было на это наплевать. Ей нравились его искрящиеся глаза, скупая улыбка,

даже то, как он молчал. «Он, конечно, не такой красавец, как Джеф», – не могла удержаться Кэндис. Джеф – это бойфренд Лоран из Бостона, вполне себе комильфо. Лоран лишь пожала плечами. Вечером они договорились встретиться с Полем у фонтана. Уже взошла луна, а жара все не спадала. Теперь с ними не было Кэндис, чтобы переводить, но они обходились и без нее. Они почти не разговаривали. Из приемника в грузовичке звучал голос Дэвида Боуи, любимого певца Поля, а они, подняв головы к небу, смотрели на звезды, едва касаясь друг друга руками. Джефффри ван дер Хаген был отправлен в отставку. Лоран Винтер так и не поехала ни в Париж, ни в Лондон, и в Бостон в конце этого знойного лета она тоже больше не вернулась. Она отправилась в Венозан и уже не уезжала оттуда.

Линден схватил полотенце, вытерся и натянул халат. Мать решила, что им четверым будет удобнее встретиться в Париже. Наверное, она была права. Она настаивала, чтобы это был «уик-энд без супругов и детей». То есть ни Колина, ни Мистраль – дочери Тильи от первого брака, – ни Саша. «Только вчетвером». Отодвинув занавеску, он смотрел, как дождь хлещет потоком по мокрому блестящему тротуару. Под этим водопадом пробегали редкие прохожие. А мать запланировала на завтра прогулку и музеи. Дождь, конечно, срывал все их планы. В Париже сейчас тоскливый, мрачный день, а в Сан-Франциско три часа ночи. Он представил Сашу: просторная спальня на последнем этаже, разметавшие-

ся по подушке черные волосы, размеренное тихое дыхание. Звякнул мобильник, и он, подойдя к вешалке, вынул его из кармана куртки. «Ты на месте, парень?» Это было что-то вроде игры: Тилья всегда называла его «парень», а он ее в отместку «детка». «Я уже у себя в комнате, детка. Номер 46».

Несколько минут спустя в дверь решительно постучали, и Линден пошел открывать. В коридоре стояла сестра, промокшая до костей, со слипшимися волосами, с бровей и ресниц стекали капли дождя. Закатив от восторга глаза, вытянув перед собой руки, она бросилась вперед, раскачиваясь, как зомби. Он рассмеялся. Они обнялись, и, как всегда, она оказалась рядом с ним такой миниатюрной, маленькой, но крепкой, она вообще была очень похожа на их отца: широкие плечи, квадратная челюсть, синие удивленные глаза.

Каждый раз, когда Линден и Тилья встречались, они поначалу не знали, на каком разговаривать языке. С детства они говорили с матерью на английском, с отцом на французском, а между собой общались на своеобразной смеси того и другого, этаким франглийском, который посторонних приводил в замешательство. Тилья вытерла волосы полотенцем, затем высушила феном. Линден обратил внимание, что она пополнела с тех пор, как они виделись в последний раз, это было в самом начале лета, когда он ненадолго приехал в Лондон. Но эта полнота сестре даже шла, она придавала Тилье женственность, которой ей порой не хватало. Она всегда была сорванцом, этаким парнем в юбке, лазила по деревьям, играла с де-

ревенскими в петанк, умела свистеть в два пальца и ругалась, как извозчик. Она презирала моду, макияж и украшения, но сегодня на ней были синие, прекрасно сшитые брюки, сейчас, правда, совершенно мокрые от дождя, куртка в тон, красивые короткие сапожки и золотая цепочка. Он похвалил ее внешний вид, на что она, перекрикивая шум фена, сообщила: «Мистраль». Ее восемнадцатилетняя дочь-студентка, будущий стилист, чей отец был баском, шеф-поваром известного ресторана, заботилась о том, как выглядит мать, и, похоже, ее усилия увенчались успехом. Высушив наконец волосы, Тилья прошла в угол комнаты, включила телевизор: ей хотелось узнать, каков сейчас уровень воды, и Линден обратил внимание, что хромает она сильнее обычного.

Они никогда не вспоминали о той аварии, в которой она пострадала, когда ей было двадцать пять лет. Тилья просто отказывалась об этом говорить. Линден знал, что она чуть не умерла, что левую ногу и бедро буквально собирали по кусочкам, она перенесла несколько тяжелых операций и провела в больнице полгода. Авария произошла возле Арканга, когда она с подругами возвращалась с вечеринки в Биаррице. У одной из девушек через неделю должна была быть свадьба. Они вызвали минивэн с водителем, чтобы спокойно выпить, не беспокоясь об обратной дороге. В три часа ночи они столкнулись с автомобилем, водитель которого гнал, как ненормальный, по крутой извилистой дороге. Четыре пассажиры, их шофер и водитель той машины погибли на месте.

Тилья единственная выжила в аварии, о которой тогда много писали и после которой она долгие годы восстанавливалась и морально, и физически. Ее брак с Эриком Эзри распался несколько лет спустя, и она получила опеку над их единственной дочерью. Порой Линден спрашивал себя, оправилась ли сестра после той трагедии, осознает ли она, какую получила тогда травму, когда у нее словно ампутировали значительную часть ее жизни.

«Как Колин?» – осторожно поинтересовался Линден, когда Тилья уселась перед телевизором, включив новостной канал. Они оба знали, да и все семейство знало, что ее элегантный супруг-англичанин, известный искусствовед, проводивший для аукциона «Кристис» экспертизы полотен старых мастеров, ее очаровательный, всегда гладковыбритый муж-очкарик, остроумный и улыбчивый, был пьяницей. Не алкоголиком, завсегдатаем коктейльных вечеринок, который, захмелев, бродит среди гостей и несет какой-нибудь безобидный бред, а просто пьяницей, который начинал день с утреннего стакана джина, а заканчивал, валяясь без чувств в луже собственной мочи на пороге своего дома на Кларендон-роуд. Тилья, забившись в угол кровати и уставившись в экран, на котором мелькали старые черно-белые фотографии наводнения 1910 года, ответила не сразу. Ровным голосом она произнесла: все по-прежнему. Колин обещал перестать, вернуться в клинику – уже в третий раз, – но лучше не становилось. Начинались проблемы профессиональ-

ного плана. Скрывать свою зависимость ему становилось все труднее. Тилья уже была на пределе, и Колин это понимал. Он говорил, что любит ее, и она знала, что он говорит это искренне, но ей уже все надоело. Линден впервые видел у сестры такое выражение лица: горечь и в то же время решимость. Выходя замуж за Колина в 2010 году, она не подозревала о его проблемах с алкоголем, он ловко скрывал свою зависимость. Он был красивым и элегантным. На девятнадцать лет старше? Подумаешь! Это было совсем незаметно. Он со своей хищной улыбкой Мика Джаггера выглядел совсем молодым человеком. Для него тоже это был второй брак, у него имелось двое взрослых сыновей. Они познакомились в Лондоне во время аукциона, куда Тилья пришла с какой-то подругой. Да и Мистраль он понравился. Поначалу. Потом, постепенно, правда вышла наружу. Алкоголь. Ложь. Измены. Ни ее, ни Мистраль он никогда не бил, но его оскорбления ранили, как отравленные стрелы.

Тилья с ироничной улыбкой напомнила брату, что в следующем году ей исполнится сорок; отвратительная цифра, ужасный возраст, и к тому же ее брак – полное дерьмо. Ее муж – дерьмо. И то, что она не работает и живет за его счет, – тоже дерьмо. Но она за всю свою жизнь не работала ни дня, кто ее возьмет сейчас, в ее-то возрасте, без диплома и безо всякого опыта? Линден перебил ее. А твои картины? Она раздраженно отмахнулась. Картины? Дерьмо. Ее брат невольно рассмеялся, и она вслед за ним. Да, она, ко-

нечно, пишет по-прежнему, она это обожает, живопись для нее – спасение, но всем плевать на ее картины, покупать их никто не хочет, во всяком случае, все эти чертовы снобы – приятели мужа, которые морды воротят, если на полотне нет подписи Рембрандта. В общем, все дерьмо, кроме дочери. Ее дочь, родившаяся декабрьским вечером 1999 года во время сильнейшей бури, ее девочка, получившая имя в честь северо-западного ветра, ее дочь Мистраль была для нее светом в окошке.

Закончив тираду, Тилья, повернувшись к Линдену, наигранно-веселым тоном спросила: «А как Саша?» Саша хорошо, работы много, стрессов тоже, но со стрессами Саша справляться умеет. Единственная проблема, что из-за всех этих проектов им сейчас редко приходится быть вместе, Линден в постоянных перелетах, поэтому свадьба все время откладывается, но ладно, как-нибудь все образуется. Тилья спросила, удалось ли отцу познакомиться с Сашей. Линден ответил, что нет, не получилось. Лоран видела Сашу в Нью-Йорке в 2014-м, и все прошло неплохо. Потом они встречались в Париже, и все опять было хорошо. Отец покидает Венозан только ради спасения каких-нибудь редких деревьев, а для того, чтобы повидаться с детьми, он с места не сдвинется. Тилья что, не знала? – насмешливо спросил он. Тилья перебирала пальцами цепочку. А Линдену не кажется, что отец просто не хочет знакомиться с Сашей? Линден прекрасно понял вопрос и даже не удивился, Тилья всегда от-

личалась прямой. Но, по правде сказать, ответа у него не было. Он взглянул на экран телевизора, где на карте угрожающе краснели стрелки, указывая места возможного подъема воды. Сдержанно признался, что и сам не знает. Он никогда открыто не говорил об этом с отцом, с Сашей тоже. Как бы то ни было, с Сашей они вместе вот уже пять лет, собираются пожениться, а Саша с Полем никогда не виделись. Тилья просто заметила, что, вообще-то, Сан-Франциско не так уж и близко. Линден был, в принципе, согласен, хотя и напомнил ей, что не так давно отец прилетал в Санта-Розу, это в Калифорнии. Там собирались вырубить плантацию вечно-зеленых секвой, чтобы расширить железнодорожные пути, и Поль с друзьями – дендрологами, учеными, студентами ботанических факультетов, активистами, историками, экологами провели там целую неделю, сражаясь с местными властями. Им удалось отстоять деревья, но у него не нашлось лишнего часа, чтобы сделать небольшой крюк, навеститься к сыну и познакомиться с Сашей. У Поля всегда находились отговорки: то он слишком занят, то слишком устал, то должен лететь спасать еще какие-нибудь деревья.

Не желая продолжать разговор на эту тему, Линден сделал вид, будто внимательно слушает новости. Во время ноябрьского наводнения катастрофы удалось избежать благодаря четырем огромным искусственным озерам, вырытым с 1949 по 1990 годы в верховье Сены. Беспилотник с камерой облетал озера, которые находились километрах в двух-

стах от Парижа, возле Жуаньи и Труа. Когда Сена переполнялась, они служили резервуарами, и в прошлый раз благодаря им уровень воды удалось снизить на целых полметра. Но на этот раз, продолжал журналист, озера уже переполнены после прошлого наводнения, вода не спала. Дождь не прекращается уже несколько недель, земля влажная и больше не способна ничего впитать.

«Черт, похоже, дело серьезное», – пробормотала Тилья. Только бы этот проклятый дождь прекратился. А он льет стеной, на улицу не высунешься. Если Сена и вправду выйдет из берегов, власти или кто там, ведь они не допустят катастрофы, должны же они что-то сделать, да? По всем каналам показывали одно и то же: Сена поднимается, дождь не прекращается, тревога нарастает. Да выключи ты его, – пробурчала Тилья, и Линден нажал на кнопку пульта. Теперь было слышно только, как барабанит дождь. Они заговорили о том, какие подарки приготовили родителям: Линден где-то откопал единственный виниловый диск Боуи, которого не хватало в коллекции отца, «Стейшен ту Стейшен». Поль потерял его много лет назад и никак не мог найти. А Тилья достала последнюю биографию Боуи на французском. Для матери на годовщину свадьбы они приготовили общий подарок, который Тилья ездила покупать на Бонд-стрит: инкрустированная бриллиантами подвеска-ключ от Тиффани в бирюзовом футляре.

«Я, пожалуй, прилягу», – намекнул Линден. Разница во

времени не доставляла ему дискомфорта, он слишком много путешествовал, но до приезда родителей ему захотелось побыть одному. Тилья все поняла и поднялась, намереваясь покинуть номер и оставить его в одиночестве. Выходя, она проворчала, что он, конечно, выглядит уставшим, но, вообще-то, с годами становится все красивей, а она – вот ведь несправедливость – превращается в старую ведьму. Он, поддразнивая, запустил ей в голову подушкой, но она успела уже закрыть дверь.

В последние несколько недель он работал без остановок, усталость накапливалась, он ощущал ее плечами, шеей, мышцы были напряжены и болели. Ему не хватало горячих и ловких Сашиных рук, которые так ловко массировали его и прогоняли усталость. Впрочем, это не единственное, чего ему сейчас не хватало, было еще столько всего. Кстати, самое время составить опись, подумал он, вытягиваясь на кровати: ему недостает Сашиного чувства юмора, улыбки, смеха, глаз, которые казались то каштановыми, то зеленоватыми в зависимости от освещения, умения потрясаяще готовить, этого волшебного запаха под скулами... любви к опере, особенно к «Травиате», чувственности и какого-то особого магнетизма. Они с Сашей слишком мало времени провели в Париже, – подумал он. Их история началась в Нью-Йорке в 2013 году.

И все-таки Париж был особенно дорог Линдену. С этим городом у него свои отношения, а сокровенные воспоминания – о любви, о тоске, об удовольствиях – связывали его с

ним, как двоих людей может связывать общая тайна, сладкая и горькая одновременно, он часто думал о тех двенадцати годах, что провел здесь, с 1997-го по 2009-й. Он словно вновь видел себя, как, щедедушный, неуклюжий, патологически застенчивый, стоит перед дверью Кэндис со своим рюкзаком и радуется тому, что он здесь, далеко от Севраля, от родителей, от Венозана. Черт возьми! Да что он вообще вздумал? Уехать из дома? – возмущалась мать. Куда он собрался, что будет делать? Отметки у него так себе, а учительница английского вообще написала в его дневнике, что он ведет себя «вызывающе». Выслушивая причитания матери, Линден понимал, что все равно никогда не сможет объяснить, каким чужим он себя здесь чувствует, чужим во всех отношениях. Ну да, он был чужим даже в родном городе, чужим, потому что его мать – американка, так и не избавившаяся от своего акцента, он тоже наполовину американец, и в школе ему напоминали об этом каждый божий день, хотя отец его принадлежал к старинному семейству, давно обосновавшемуся в Севрале, а прадед, Морис Мальгард, сколотивший состояние на картонажных фабриках, обеспечил несколько поколений своих потомков, выстроив в начале двадцатого века Венозан, особняк в стиле тосканской виллы. Что же до училки, этой вечно недовольной мадам Казо, как он мог объяснить родителям, что она просто бесится из-за его безупречного английского, который лишь подчеркивал ее собственный чудовищный акцент? Нет, он не мог признаться, как ему пло-

хо в школе, где никому нельзя довериться, он словно прилетел с другой планеты, а дети интуитивно чувствовали эту непохожесть и отвергали его. Он не мог с ними общаться, и это делало его несчастным. Проблемы обострились, когда он стал подростком, он резко вырос, а его одноклассники почувствовали себя униженными. Напрасно он твердил матери, что они обзывают его «американцем», это обостряло его страдания, но, с другой стороны, вызывало возмущение – он ведь родился в той же клинике, что и большинство из них. Они давали ему и другие клички, осыпали оскорблениями. Он чувствовал себя изгоем, отверженным. Хуже всего было, когда мать приезжала за ним на старом грузовичке с прицепом, в своем коротком джинсовом платье и ковбойской шляпе, и каждый из них, и мальчишки, и девчонки, неотрывно пялились на нее. Это была самая красивая женщина, которую они когда-либо видели: с соблазнительными формами, чувственная, медноволосая – само очарование. Единственным человеком, который понимал его каждодневные мучения, была Тилья. Когда он принял решение уехать, она горячо защищала его перед негодующими родителями: в конце концов, черт возьми, почему бы Линдену не поступить в какой-нибудь парижский лицей? Пусть несколько лет поживет у тетки! В чем, собственно, проблема, нельзя быть такими ретроградами, что за маразм! Линдену в мае будет шестнадцать, перейти в другой лицей в середине учебного года – ну и ничего особенного, такое бывает! Линдену нужна свобода,

пусть набирается опыта, узнает другие края, они что, сами этого не понимают? Родители долго молчали, потом переглянулись, потом пристально посмотрели на него, и Поль пожал плечами. Ну, если Линден и вправду этого хочет, они мешать не будут. Лоран добавила, что сейчас позвонит Кэндис, пусть выяснит, как перевестись в другой лицей. Линден посмотрел на сестру с нескрываемым восхищением, а она в ответ подмигнула ему и пальцами показала знак V: победа! Подумать только, его прежние одноклассники по лицезу в Севрале, которые тогда обзывали его и издевались, сейчас слетелись на его страницу в Фейсбуке и «лайкают» любой пост! Некоторых из них он даже встречал на своих выставках, они заискивали перед ним, панибратски хлопали по плечу и утверждали, будто всегда знали, что он станет знаменитостью.

Его тетка Кэндис жила в доме номер 1 на углу улиц де л'Эглиз и Сен-Шарль, в Пятнадцатом округе. Оживленная, шумная улица Сен-Шарль тянулась на юг от улицы Федерасьон до площади Балар. Квартал самый обыкновенный, ничего примечательного, но Линдену было наплевать. Приехав сюда холодным мартовским утром 1997 года, он наконец почувствовал себя свободным. Стоя на балконе солнечной квартиры Кэндис на седьмом этаже, вцепившись руками в перила, он в полной эйфории разглядывал улицу. Он вновь увидел себя, стоящего на балконе, как капитан у штурвала корабля, а Париж-искуситель расстилался у его ног, лаская слух, словно музыкой, рычанием автомобильных моторов.

Родители и безмятежный Венозан с его понятными, простыми радостями казались теперь такими далекими. Все прочее не имело значения: ни этот неудобный раскладной диван в проходной комнате, ни бурная личная жизнь моложавой тетки, ни новые лица в лицее на бульваре Пастера. Он не испытывал ностальгии, вспоминая весну в Венозане, вишни, горделиво тянущие к небу цветущие ветки, извещающая о приходе теплых дней, прохладный воздух и аромат лаванды, который приносил неумолимый мистраль. Он не сожалел о птичьем гомоне, о чудесном запахе кроваво-красных роз под окном, о расстилающихся до горизонта полях лаванды с одиноко стоящими деревьями: смоковницы, темно-зеленые кипарисы, серебристые оливы. Он вообще не сожалел ни о чем из того, что оставил в Венозане. Даже об отцовском дендрарии, который так любил ребенком. Свою новую парижскую жизнь он принял сразу и безоговорочно. В этом лицее он стал своим, впервые в жизни его приняли. Никто не подозревал, что он деревенщина, простой мальчишка, который не боится насекомых, даже скорпионов, притаившихся в щелях каменной стены, мальчишка, который разбирается в силе и направлении ветра, знает, как правильно вести себя в бурю, а еще знает латинские названия деревьев, никто не подозревал, что он рос вместе с орлами, косяками, кабанами. Одноклассники считали его «крутым»: он так виртуозно употреблял американские ругательства, к тому же имел легкий южный акцент. Они не издевались над его именем, и плевать

им было на то, кто его отец. Его приглашали на вечеринки, и девчонки грезили о его синих глазах и широкой улыбке. Его даже считали красивым. Здесь он не был чужим.

Резко зазвонил телефон на прикроватном столике, и Линден подскочил от неожиданности. Звонила девушка-портье, чтобы сообщить: приехали родители. Господин Мальгард желает спуститься? Он ответил, да, сейчас спустится. Он быстро скинул халат и схватил какую-то одежду в шкафу. Несколько мгновений спустя он вышел из комнаты и, не вызывая лифта, стал быстро спускаться по лестнице. Родители уже сидели в холле, и, увидев их, Линден испытал настоящий шок: какой у отца изможденный вид. Поль словно обмяк в кресле, опершись подбородком на ладонь, кожа была какой-то помятой и ненормально бледной. Темная куртка еще больше подчеркивала эту бледность и болезненную худобу.

– Мальчик мой, вот и ты! – воскликнула мать своим хрипловатым теплым голосом.

Она сжала его в объятиях, затем чуть отодвинулась, чтобы как следует рассмотреть, и он тоже смотрел на нее; в свои шестьдесят один она была по-прежнему великолепна – стройная и длинноногая, в сапожках и куртке на меху, светлые, пепельного оттенка волосы собраны на затылке. Морщинки и припухлости под глазами едва наметились и ничуть не вредили ее красоте, черты лица были по-прежнему правильными, нос с едва заметной горбинкой, который, кстати

сказать, он унаследовал от нее, полные губы, голубые миндалевидные глаза под густыми темными бровями. Она, как всегда, обошлась без макияжа и, как всегда, все головы поворачивались ей вслед. Он наклонился обнять молчаливого отца, затем с недоуменным видом обернулся к Лоран. Да, Поль сейчас не в лучшей форме, – подтвердила она, понизив голос, – наверное, простудился. Немного отдохнет, примет горячую ванну, и все будет в порядке. Появившаяся из лифта Тилья бросилась обнимать родителей. Обеспокоенная состоянием отца, на которое, разумеется, тут же обратила внимание, она присела на корточки рядом с его креслом; он с трудом поднял веки и что-то пробормотал про головную боль. Так, может, он сразу поднимется в номер и приляжет? Дождь такой, что все равно не выйдешь, да и не хочется никому, пусть пока полежит. Лоран попросила портье отнести багаж в номер. Линден услышал, как она объясняет: муж немного устал, можно ли попросить чашку чая и что-нибудь перекусить? Прожив столько лет во Франции, по-французски она по-прежнему говорила медленно и неуверенно. Но это только добавляло ей шарма, и портье уже была ею очарована. Когда родители поднялись, он обернулся к сестре.

– Отец неважно выглядит! Такой бледный, – прошептал он.

Тилья лишь кивнула, она тоже была очень встревожена. Их отец, такой сильный и крепкий, пышущий здоровьем даже среди зимы, теперь выглядел скрюченным стариком.

Эта мысль их потрясла, и они долго не могли прийти в себя, молча сидя бок о бок в холле отеля, а дождь по-прежнему поливал город.

* * *

Ближе к вечеру Линден пошел посмотреть, как себя чувствуют родители. Он осторожно постучал в дверь номера 37, мать открыла. На ней были очки для чтения, в руках она держала телефон. За ее спиной он увидел лежащего на кровати отца. Лоран прошептала, что он отдыхает. Учитывая нынешнее состояние Поля, сегодняшней ужин она отменила, в «Ротонде» на бульваре Монпарнас слишком шумно и суетно. Позже она собиралась заказать доставку в номер. Так что вечер у Линдена и Тильи сегодня свободен. Линден сомневался, стоит ли ему ужинать с сестрой. С одной стороны, ему этого хотелось, им всегда было хорошо вместе, но с другой – может, ему стоило воспользоваться свободным вечером и повидаться со старыми друзьями? Пожалуй, он так и сделает, Тилья поймет и не обидится, – объяснил он матери.

Линден на цыпочках обошел кровать и всмотрелся в лицо отца. Оно по-прежнему казалось серым и изможденным.

– С ним все в порядке? – с тревогой спросил он у матери. – Может, лучше вызвать врача?

Мать склонилась над телефоном, пальцы порхали по клавиатуре.

– Да уж, Поль выглядит скверно, но все в порядке, беспокоиться не о чем, пройдет. В последнее время он слишком много работал, впрочем, как обычно, – добавила она, подняв очки на лоб. – Когда какому-нибудь дереву угрожает опасность, пусть даже на другом конце света, Поль отказать не может. С прошлого лета у него не было ни единого дня отдыха. Дома, в Венозане, он не присядет ни на минуту, все время ходит по участку, заботится о своих любимых липах. Уговорить его приехать в Париж было непросто, – добавила она. Они все знали, как он ненавидит город.

Линден совершенно не мог представить себе отца в городе, Поль Мальгард вне природной среды казался неуместным и лишним. В самых далеких, еще детских воспоминаниях Линдена отец размеренным решительным шагом ходил по крутым склонам Венозана вместе со своим верным садовником Ванделером, а за ними по пятам неслись две-три собаки. Руки Поля всегда казались грязными, и Линден, будучи еще совсем маленьким, знал, что эта чернота на руках – не грязь, а земля, смешанная с мелкой пылью, покрывающей кору деревьев. Отец ласкал деревья, словно это были самые привлекательные создания на свете. «Деревья такие же живые, как и люди, – объяснял Поль маленькому сыну, приподнимая его, чтобы он тоже мог погладить шероховатую бугорчатую поверхность. – Деревья должны бороться за жизнь, – говорил отец, – постоянно, ежеминутно: чтобы у них была вода, свет, достаточно пространства, чтобы защи-

титься от жары, холода, засухи, вредителей; еще они должны научиться противостоять бурям, ведь чем дерево старше, тем сильнее его бьет ветер. Ствол тянется к солнцу, а корни погружены во влажную почву – кажется, у деревьев легкая жизнь, но все не так просто; деревья обладают даром предвидения, они знают, какое сейчас время года, светло сейчас или темно, чувствуют изменения температуры. Они умеют делать огромные запасы влаги, собирают дождевую воду, они обладают силой, которую человек должен уважать. Без деревьев люди были бы ничем», – утверждал отец. Об этом он мог рассуждать до бесконечности, и Линдену не надоедали его рассказы. А ботанические наименования деревьев его просто завораживали: *figus carica*, *quercus*, *prunus*, *olea*, *platanus*... Это латинские названия смоковницы, дуба, сливы, оливкового дерева, платана он запомнил еще в детстве. Не говоря уже о любимой отцом липе: *tilia*, или по-английски *linden*, которой они с сестрой были обязаны своими именами. В дендрарии под Венозаном росло пятьдесят величественных лип, посаженных задолго до того, как Морис Мальгард, прадед Поля, построил дом в 1908 году. Именно сюда, как хорошо было известно Линдену, Поль привез Лоран в то знойное лето 1976-го. Она тоже была очарована. Да и как иначе? Переплетенные ветви лип, покрытые густой листвой, нависали прохладными бархатистыми сводами. Когда ты стоял летом под этим роскошным балдахинном, возникало ощущение, будто ты погружаешься в зеленоватую све-

тящуюся воду, божественно пахнущую медом, а вокруг, перелетая с цветка на цветок, гудели пчелы.

Глядя на лежащего отца, Линден подумал, что никогда не был в Венозане вместе с Сашей. Саше не довелось увидеть цветущие липы, и вообще, эту часть жизни Линден словно предал забвению. Они уже пять лет вместе, а так и не собрались поехать в Дром. Почему? Может, потому, что отец их никогда не приглашал? Или Линдену самому не доставало смелости туда нагряться? Эти мысли промелькнули у него в голове не в первый раз. И как всегда, он постарался их отогнать.

Немного позднее, уже из своей комнаты, он позвонил Саше по скайпу. В Калифорнии было десять утра. Саша в своем офисе, в Пало-Альто. На экране возникло любимое лицо, темные глаза, милая улыбка. Линден рассказал про свой день, про дождь, Сену, про изможденный вид отца. А Саша – про новый проект, про кошек, про погоду в Калифорнии, такую прекрасную, что парижский потоп представляется чем-то нереальным. Попрощавшись с Сашей, Линден задумался о том, что станет делать этим вечером. Он просмотрел контакты в своем телефоне. Впрочем, одно имя он помнил и так, да и в списке его теперь не было. Адриан. Номер его телефона Линден до сих пор знал наизусть, да и адрес тоже не забыл: Париж, Седьмой округ, улица Сюркуф, дом 20, четвертый этаж, дверь направо. Грустно. Больно. Почему некоторые воспоминания не стираются из памяти?

В списке контактов он нашел Ориэль Менар. После нескольких звонков включился автоответчик. Она была фотографом, он встретил ее в 2003 году, когда только получил диплом престижной парижской Школы визуальных коммуникаций. Ориэль, чуть постарше его, была уже опытным фотографом и давала ему весьма полезные профессиональные советы, когда он только начинал. Сейчас она работала в одном французском агентстве и делала портреты писателей. Он собирался уже оставить ей сообщение, но она перезвонила: как хорошо, что он оказался в Париже по семейным делам, она так рада. Они договорились встретиться через полчаса в кафе «Дом» на углу улицы Деламбр и бульвара Монпарнас. Вооружившись зонтом, который ему дали в отеле, обернув шею теплым шарфом, Линден шел по улице под проливным дождем, старательно обходя лужи. Пешеходы, закутанные в плащи, торопились поскорее оказаться в помещении. Проносились машины, колеса с резиновым чавканьем рассекали воду. В кафе, необычно пустом, только какая-то пара в углу, официант с суровым видом объяснил Линдену, что никогда не видел ничего подобного: дождь льет как из ведра, и конца этому не видно... Для кафе просто катастрофа. Надо брать отпуск и убраться к черту из этого города, пока не начался настоящий кошмар, пока река не затопила все вокруг. Линден спросил, он правда думает, что Сена хлынет на город? Официант внимательно посмотрел на него и в свою очередь поинтересовался, вежливо, но не без

сарказма, откуда, интересно, месье прибыл, с какой планеты.

– Я из Сан-Франциско, – смущенно признался Линден. – А там, – добавил он, – люди боятся землетрясения, пресловутого «big one» («Большого Землетрясения»), но это не мешает им жить обычной жизнью.

Официант покачал головой:

– Здесь то же самое, парижане живут себе по-прежнему, а дождь не прекращается, прогноз погоды ужасный, Сена может выйти из берегов, как в тысяча девятьсот десятом, и что тогда? Город будет парализован, тысячи людей окажутся без крыши над головой, всякая экономическая деятельность прекратится, и вообще, правительство должно отнестись ко всему этому гораздо серьезнее. Чего они ждут? Почему так осторожничают? Надо действовать, и как можно скорее, пока вода дошла Зуаву всего лишь до лодыжек. Потом будет поздно.

К большому облегчению Линдена, в кафе вошла Ориэль, и он был избавлен от этой болтовни. Свою приятельницу он не видел уже давно. У нее по-прежнему была роскошная каштановая шевелюра, губы бантиком, серые глаза. Красивая, изящная и, как всегда, одетая в черное. Они заговорили по-французски. Линден был рад, что может изъясняться на языке отца. Поначалу он говорил медленно, словно подбирая слова, то и дело проскальзывали американские интонации, но он старался их обуздать, сам себя поправлял и уже через несколько минут заговорил с привычной легкостью.

Они заказали шардоне, и, когда чокались, Ориэль вдруг рас- смеялась.

«Я знаешь что подумала?» Он помнит, что случилось, ко- гда они только познакомились, в 2003 году? Линден ответил, нет, не помнит, но ему было любопытно, почему это она так веселится. О, это было ужасно, – ответила она, сделав глоток. Ему было двадцать два, ей двадцать четыре, и на вечеринке, когда обмывали диплом в одной студии возле Ле-Аль, она чего-то нанюхалась. Теперь он вспомнил: она затащила его в угол и прижала губы к его губам. Он осторожно ответил на ее поцелуй, но, когда ей захотелось пойти дальше, вежливо отодвинулся. Ее это не смутило, она снова его поцеловала, провела ладонями по бедрам, просунула руки под рубашку, прошептала, чтобы он ничего не боялся, она все сделает са- ма, пусть он расслабится, закроет глаза, на что он, как мож- но спокойнее, объяснил, что девушки его не привлекают. Ее серые глаза стали от изумления еще больше, она уставилась на него, потом, немного помолчав, прошептала: так он, зна- чит, ну, это самое... Он закончил за нее фразу: гей, да, он гей. Она выглядела настолько огорченной, что он даже разо- злился на себя, погладил ее по щеке, уверяя: ничего, это не важно. Он хорошо помнил, что она тогда сказала, будто он совсем не похож на гея, как ему это удастся? Ну а как она могла знать: он такой красивый, высокий, мужественный. Он еще спросил ее тихонько, словно в шутку: а как это вообще – «похож на гея», и она приложила руку к его губам и про-

бормотала: «очень жаль»...

Он вообще представляет, что они знакомы уже пятнадцать лет? – воскликнула она. С ума сойти, да? Надо это дело отметить, возьмем еще по стаканчику. Линден подозвал официанта. Ориэль все повторяла, что это совершенно невероятно, особенно учитывая, кем он стал. Линден Мальгард – его имя она произнесла с особым нажимом, – фотограф-портретист, знаменитый на весь мир, и самое поразительное, что он ничуть не изменился, а мог бы зазвездиться после таких успехов, но нет, ничего подобного, все такой же симпатичный. Она дружески похлопала его по спине. Линден не слишком любил подобные разговоры, всякий раз ему казалось, будто собеседник завидует его известности, и пока Ориэль говорила, он не поднимал глаз от бокала с вином и слушал, как за стеклом падает дождь. Ориэль добавила, что могла бы всем рассказать о тех годах, когда он носил старую косуху и потрепанные черные джинсы, когда у него были длинные волнистые волосы, как у хиппи эпохи прерафаэлитов, – он поморщился, – когда он жил у своей американской тетки в Пятнадцатом округе, которая вечерами напролет ждала звонка от своего женатого любовника-француза. Линден сообщил ей серьезным и печальным тоном, что его тетка Кэндис умерла шесть лет назад, а он даже не смог присутствовать на ее похоронах, и до сих пор злится на себя за это. Кэндис так много значила для него все те годы, когда он жил у нее. Он не стал рассказывать Ориэль, как умерла

Кэндис, как больно было ему узнать о ее смерти и какой след оставила она в его жизни.

Угрюмый официант принес второй заказ, и когда он отошел, Линден шепотом поведал подруге о его пессимистических прогнозах по поводу подъема воды. Но Ориэль, чуть понизив голос, – Линден поразился ее патетическому тону – ответила: вообще-то, официант прав, наводнение вполне вероятно, и тогда наступит ад. Линден усмехнулся: ну что это она такое говорит? Совсем как эти паникеры-журналисты в новостях, которые тоже рисуют апокалиптические картинки, а народ пугается.

Да, не самый удачный уик-энд для семейной встречи в Париже, – сдержанно ответила она. Это из-за дождя, что ли? Она посмотрела на него как на ненормального. Да, дождь и наводнение, он что, не понимает, чем это может грозить Парижу? Правда не понимает? Тон был снисходительным и немного раздраженным. Но ведь официального предупреждения не было или все-таки было? Приезжать в Париж никому не запрещали. Может, она все-таки преувеличивает? Нисколько, – ответила она. Ее близкий приятель работает в парижской мэрии, так они там все в полной боевой готовности. У Аустерлицкого моста уровень воды три метра восемьдесят сантиметров; если она будет прибывать и дальше, придется остановить движение судов по Сене. Если не прекратится дождь, всем нам конец. Вода поднимается слишком быстро. Линден неуверенно возразил: ему кажется, такие ка-

тастрофические наводнения случаются раз в сто лет, город усвоил урок 1910 года, и теперь Париж готов. Так все думают, – иронично кивнула она. Все думают, что Парижу ничего не грозит. Мол, Сену давно приручили, и нового наводнения быть не может. Но Париж не защищен. Ее приятель Матье сказал, что ситуация может выйти из-под контроля, и все произойдет очень быстро, быстрее, чем думают, во всяком случае, к утру появится какая-то ясность, а может, даже и раньше. Матье ей объяснил, что Сена под постоянным наблюдением, и самое главное сейчас – понять, разрешится ли ситуация за несколько дней, как в ноябре, или же наводнение будет катастрофическим. В последний раз, когда вода поднялась почти на шесть метров и добралась Зуаву до пояса, префектура приняла серьезные меры предосторожности, эвакуировала жителей некоторых кварталов Двенадцатого, Седьмого и Пятнадцатого округов, вызвала войска, закрыла несколько станций метро, закрыла Лувр и музей Орсе, но вода перестала подниматься. Правительство критиковали за то, что понапрасну встревожили парижан. Теперь, два месяца спустя, власти осторожничают, они понимают, что не имеют права на ошибку.

Мы хотели отпраздновать семидесятилетие отца и годовщину свадьбы родителей, – объяснил Линден. Это не так просто отменить. Можно ведь будет избегать особо опасных мест? Ориэль приняла серьезный вид: если будут известия от Матье, она сообщит. Новости про Сену – крупным шрифтом

на первых страницах, их не пропустишь, хорошие они будут или плохие. Особенно если плохие. Линден перебил ее, этот разговор вывел его из себя: может, им поужинать? А как ее работа, она, как и раньше, делает портреты писателей? Да, не так давно фотографировала модных авторов бестселлеров, они на полном серьезе считают себя королями, раз продаются миллионными тиражами. Они заказали дары моря и еще вина, и Ориэль стала рассказывать ему всякие смешные истории про свою работу. Когда через два часа они расстались, дождь хлестал с прежней силой.

Вернувшись в полночь в отель, Линден нашел под дверью записку от матери: «Отцу уже лучше, он съел овощной суп и теперь спит сном младенца. До завтра». Тилья послала ему эсэмэску, написала, что посидела с подружкой в кафе и рано легла спать. Телевизор он включать не стал, вытащил из чехла айпад и через вай-фай вышел в интернет. Он получил несколько посланий от Саши, на которые тут же ответил. Рашель, зная, что в ближайшие дни он будет «вне доступа», по почте переслала ему несколько предложений. Это он посмотрит позже.

Линден набрал словно «Сена». Оно вело свое происхождение от *Sequana*, так галлы и римляне называли реку, по которой плавали и на болотистых берегах которой возводили свои жилища. Поселение назовут Лютеция, потом Париж. Секвану, кельтскую богиню, наделенную даром исцелять, особо почитали в верховьях реки, возле Дижона. Ее

изображали стоящей в лодке, с протянутыми в приветственном жесте руками. Оказывается, Сена очень часто разрушала город, который процветал благодаря ей; после первых замеров уровня воды, датируемых шестым веком, произошло не менее шестидесяти губительных наводнений. Самое разрушительное, когда вода оказалась вровень с мостом Турнель, случилось в феврале 1658 года: Сена поднялась на восемь метров девяносто шесть сантиметров, это был самый высокий подъем воды за всю историю. Утонули десятки людей, разбушевавшиеся волны унесли дома, возведенные на мосту Мари.

Когда Линден засыпал, его последняя мысль была не о Са-ше, не о богине Секване с диадемой на голове и не о дожде, что без остановки барабанил снаружи, а об отце, который спал сейчас в номере этажом выше, об отце, которого он любил, но с которым у него не получалось поговорить. Что-то его всегда останавливало. Боязнь, неуверенность, бог знает что еще всю жизнь мешали им общаться. Поль вообще был человеком очень сдержанным, у него имелись лишь две излюбленные темы: деревья и Дэвид Боуи. Линден решил, что мать, вероятно, и задумала этот семейный уик-энд в надежде наладить отношения между отцом и сыном. Беспокойство не отпускало Линдена. А что, если Поль и не хотел ничего знать о сыне, не хотел знать, кто он, тот, кого он любит?

Два

Фотография – это тайна в тайне. Чем больше она перед вами раскрывается, тем меньше вы о ней знаете.

Диана Арбус

Я помню ее имя. Хотя после той истории его больше не произносили. Еще я помню лицо. Круглое и нежное. Розовое, с бархатистыми щеками. Ее голос. Светло-русые волосы. Духи с лимонной ноткой. Она была молода.

Наверное, лет семнадцать, а может, еще меньше. Она жила по соседству. Ее отец выращивал трюфели. Ее наняли к нам в дом, чтобы она сидела со мной два дня в неделю после обеда, моя мать была беременна. Мне было четыре года, до школы я еще не дорос. Она всегда улыбалась. Мы шли гулять по дедушкиному имению.

Там было столько всего интересного. Особенно летом. Черный пруд, в котором квакали жабы, купы деревьев вдоль ущелья. Мы бросали камешки в жаб и хохотали, когда они, спасаясь, ныряли в воду. Кипарисы на том конце долины стояли высокие и горделивые, как воины. Она называла их могиканами. Берегись! – говорила она. – Могикане тебя поймают, они любят пугать маленьких детей. Иногда и правда они напоминали индейцев огромного роста: в пышном уборе из перьев они широкими шагами спускались по склонам

холмов. А мы безмятежно прогуливались по лавандовым полям. Она плела венки из маргариток и надевала на голову. Она была красивой. Мы считали бабочек. Набирали гусениц в спичечные коробки и наблюдали, как они там извиваются. В июле мы собирали абрикосы – ветки деревьев ломались от спелых фруктов. Ходили на соседнюю ферму за молоком и яйцами. Рядом паслись овцы под охраной белой колли. Я был счастливым ребенком. Когда меня кусали слепни, она, тихонько напевая какую-то мелодию, дула на то место, и боль стихала.

Когда в феврале начинал дуть ледяной мистраль, она водила меня на трюфельную плантацию отца, защищенную от ветров. Мы смотрели, как он собирает под дубами эти ценные грибы. Его дрессированная собака могла их учуять даже под корнями и известняком. Я обожал наблюдать, как пес припадает мордой к земле и начинает лапами скрести почву. Тогда отец девушки специальной лопаткой извлекал трюфель. В этих грибах не было ничего особенного: маленькие, черные, неправильной формы, какие-то шишковатые, но отец девушки утверждал, что они не имеют цены. Он давал мне их понюхать, от них шел сильный запах плесени. Мне он не нравился. Но когда я приносил свою добычу домой, аккуратно обернутую тряпкой, родители всегда очень радовались.

Теперь я должен очень тщательно подбирать слова, чтобы

объяснить, что тогда произошло. И как я, ребенок, воспринял это.

Но для этого мне нужно вновь обрести то детское ощущение, детский взгляд. Забыть свое взрослое видение. Рассказать обо всем откровенно, правдиво, даже если это наполняет меня ужасом.

* * *

Главный въезд в Венозан находится на дороге в Ньон, если ехать из Севраля на восток. Ближайшая деревня – Леонде-Винь, знаменитая своим оливковым маслом и трюфелями. С дороги дом увидеть нельзя. Серпантинном вьется аллея, вымощенная светлым камнем, разворачиваясь, словно длинная лента, она петляет среди абрикосовых деревьев, виноградников и лавандовых полей. Мирный, безмятежный уголок, лишь рычание трактора изредка нарушает его тишину. Туристы не рискуют добираться до этих возвышенностей, каменистая дорожка может повредить их шины, но иногда здесь появляются одинокие путешественники с палкой в руках. Все время извиваясь и петляя, дорога поднимается так круто, что водителям приходится менять скорость, а пешеход или велосипедист начинает задыхаться. Наконец появляется дом, и тот, кто его видит, застывает в изумлении – это здание эпохи Возрождения. Морис Мальгард, прадед Линдена, хотел, чтобы Венозан походил на тосканские охотни-

чьи домики семейства Медичи. Морис никогда не был в Италии, никогда не видел охотничьих домиков Медичи, это был скромный работник на ферме, он родился в маленькой деревушке возле Севраля, но после того, как к тридцати пяти годам он сколотил на своей картонажной фабрике значительное состояние, у него появилось что-то вроде мании величия. Он и его очаровательная жена Иветта, тоже весьма скромного происхождения, могли позволить себе все самое красивое. Его фабрики, производящие картонную упаковку, процветали. Такие коробки впервые позволили перевозить по всему миру живых шелковичных червей: благодаря отверстиям, искусно проделанным в стенках, нежные личинки не задыхались во время долгого пути. Производители шелка оценили преимущества такой упаковки, за ними последовали продавцы парфюмерных товаров и косметики. Картонные коробки Мальгарда произвели на промышленном рынке настоящий фурор: практичные, красивые и легкие в обработке, они, ко всему прочему, способствовали появлению новых рабочих мест. В начале XX века производство упаковочного картона стало настоящим подарком судьбы для Севраля и всего региона, причем выгоду извлекал не только Мальгард, одним из первых основавший здесь картонажные фабрики, но и все те, кто шел за ним следом. Два раза в день поезда, груженные картоном, отправлялись с вокзала Севраля в Марсель, Париж или Лион.

Когда Морис Мальгард решил построить дом, он стал объ-

езжать окрестности в поисках идеального места. Долго искать ему не пришлось: большой участок в Венозане, простиравшийся до самого дендрария, который какой-то увлеченный фермер разбил пару поколений назад, покорила его сердце сразу. Огромная старая липа, чья величественная красота когда-то привлекла внимание фермера, возвышалась среди своих сородичей. Чтобы приобрести несколько наделов, понадобилось провести пару-тройку не совсем законных сделок, и пухлые конверты с купюрами передавались потихоньку из рук в руки. Морис пригласил модного парижского архитектора, преклонявшегося перед итальянским искусством, особенно эпохи кватроченто. Дом, на строительство которого ушло два года, предстал мощной крепостью из светлого камня с зубчатой крышей. Он стоял фасадом к долине под липовой рощей, словно невзначай демонстрируя свою благородную патину; казалось, он так стоит вот уже несколько столетий, обрамленный с боков дубом, кленом, вязом и двумя платанами. И напрасно надсаживал легкие северо-западный ветер, массивные стены противостояли любым ураганам.

Морис Мальгард, усатый, невероятно общительный человек, устраивал со своей прекрасной Иветтой пышные приемы, о которых шла молва по всей округе. Гости приезжали издалека, и Венозан превратился в очень модное место, куда все хотели попасть. Морис в цилиндре, с самодовольным видом встречал приглашенных на крыльце, оркестр иг-

рал вальс, а официанты разносили шампанское. Десять лет спустя к своей фамилии он прибавил название местности и украсил себя вымышленным титулом; хвастливое имя «Барон де Мальгард-Венозан» появилось не только на визитных карточках, но и на этикетках белого вина, которое он производил в течение нескольких лет. Претенциозный Морис умер от сердечного приступа в 1952-м, в возрасте семидесяти девяти лет. Его сын Франсуа, родившийся в 1908 году, унаследовал отцовский дом, но оказался лишен отцовского щегольства и бахвальства. Это был скромный, малоразговорчивый человек, который чувствовал себя очень неловко в этом огромном роскошном доме. Что же до его супруги Мирей, родом из Монтелимара, она в этой сельской местности просто умирала от скуки. Ей не доставало энергии и жизни города: здесь никогда ничего не происходило, во всяком случае ничего интересного, только ветер, только деревья и лаванда до самого горизонта. Произведя на свет двоих детей, Поля в 1948-м и Мари в 1952-м, она сочла, что выполнила свой долг. Пока дети росли, она оставалась в Венозане, но когда сыну исполнилось двенадцать, она вступила в тайную связь с фермером из соседней деревни. Через пять лет Франсуа без особых возражений согласился дать ей развод. Мирей вторично вышла замуж и уехала, а Франсуа встретил учительницу младших классов Брижит; она была вдовой, и у них завязались отношения. Он никогда бы не решился воспользоваться незаконным титулом отца, который

этот интриган Морис присвоил себе и ставил на всех документах.

В течение последующих двух десятков лет, когда именем управлял нерешительный Франсуа Мальгард, сияние Венозана изрядно померкло. В отличие от отца Франсуа не обладал деловой хваткой, его предприятиям недоставало уверенной руки. Производство упаковочного картона постепенно приходило в упадок. Управлять домом он тоже не умел. Зимой необъятных размеров помещения вымерзали без центрального отопления, несмотря на огромные камины. Венозан был выстроен на возвышенности, поэтому начиная с декабря там нередко уже лежал снег. Сады, которыми так гордился Морис, были заброшены, зарастали сорняками и колючими кустарниками. Сырой неухоженный дом покрывался трещинами. В некоторых комнатах протекали потолки.

В 1970-м, в возрасте шестидесяти двух лет, Франсуа Мальгард скончался от рака печени. Его двадцатидвухлетний сын Поль поселился неподалеку от Венозана, в Бюи-ле-Барони, где работал ландшафтным дизайнером. Поль и его сестра Мари унаследовали отцовский дом в равных долях, но вскоре было решено отдать его Полю. Мари была помолвлена с одним угрюмым типом, фермером из Леон-де-Винь, который не собирался вкладывать в Венозан ни единого сантима. Поль обосновался в доме зимой 1970-го. Его ждала огромная работа – заниматься садами, дендрарием, самим домом, и все это при весьма ограниченных средствах. Но

этой деятельности, требующей большого труда и рассчитанной на долгий срок, он отдавался душой и телом. Забыв обо всем, он работал день за днем, ему помогали друзья, живущие неподалеку, которые прекрасно знали эти места и любили их, как и он сам. При этом он не собирался подражать своему деду-сумасброду, не устраивал роскошные приемы и вечеринки.

Шесть лет спустя, к моменту встречи с Лоран, Полю удалось превратить родные места в настоящий рай на земле.

* * *

Когда на следующее утро, где-то в начале десятого, Линден проснулся, за окном по-прежнему стояла серебристая завеса дождя. Он послал матери эсэмэску, чтобы узнать, как Польша. Лоран тут же ответила: «Хорошо! Мы сейчас завтракаем, присоединяйся!» Приняв душ, он спустился в ресторан возле холла. Отец был по-прежнему бледным и каким-то одутловатым. Склонившись над тарелкой, он ел хлопья. Движения казались замедленными. Зато Лоран выглядела чересчур жизнерадостной и широко улыбалась. Ну и что, что дождь! Они все равно пойдут в музей: она купила два билета через интернет, а если кто-то устанет, всегда можно отдохнуть, в музеях для этого есть места. Тилья? Еще спит, как всегда. Линден мягко заговорил с отцом, спросил, как он себя чувствует. Отец отвечал тихим, охрипшим голосом.

Глаза под воспаленными веками слезились. Он был так не похож на себя, и Линден, не привыкший видеть его таким, недоумевал, почему он не обратился к врачу.

«Врач не нужен, – ответил отец все тем же слабым голосом. – Со мной все в порядке».

Линден задавался вопросом, давно ли отец так выглядит и разговаривает таким голосом. Ему хотелось расспросить об этом мать, но он подозревал, что она все равно не ответит, тем более при Поле. Она уже ловко поменяла тему и успела налить отцу еще одну чашку кофе. Линдену оставалось только удивляться, как ловко она притворяется, неужели ничего не замечает? Линден, ты слышал последние новости? – спросила она. Нет, он встал и сразу спустился. Она что-то болтала, а Поль молча жевал свои хлопья, невероятно медленно двигая ложкой, и это тоже было странно, потому что обычно отец успевал проглотить еду и опустошить тарелку, пока другие еще и не начинали есть. И мать говорит непривычно громко, подметил Линден. Ну и что прикажете делать этим людям? – громогласно вопрошала мать, размахивая круассаном. Что они себе позволяют, эти власти, нет, в самом деле, вот так взять и отменить в последнюю минуту, выгнать всех к чертовой матери, всех этих манекенщиц, стилистов, парикмахеров, фотографов... Линден понял, что она говорит о Неделе моды. Организаторы просто в бешенстве, еще бы! Линден взял телефон и зашел в Твиттер. Да, в самом деле, Неделя высокой моды, которая должна

была начаться сегодня и продлиться до следующего четверга, отменена по распоряжению префектуры. Сена продолжала подниматься: она омывала икры Зуава, значит, уже выше четырех метров, и власти вынуждены были принять меры, как и предупреждала Ориэль. И в другое место дефиле тоже не перенесут, правительству сейчас не до того. Судоходство на Сене остановлено, и некоторые музеи будут закрыты: Орсэ, Бранли и, разумеется, Лувр. (Последнюю новость Линден прочитал вслух, и мать заворчала.) Вокруг станций метро возводят заграждения, а набережная Ке-де-ля-Гар – где Сена входит в Париж – уже затоплена. Наводнение угрожает всей системе канализации, а в ближайшие часы ситуация может обостриться.

Появление Тильи положило конец чтению этих тревожных новостей. Она была одета в безразмерный свитер и широкие джинсы, а на голове наверхена какая-то неряшливая кичка. В очередной раз Линден подумал, как сестре непросто: быть дочерью Лоран и не унаследовать от матери ее внешность. Интересно, Тилья переживает по этому поводу? Хотя она никогда этого не показывала, Линдену казалось, что она все-таки страдала, а возможно, страдает до сих пор. В девятнадцать лет Тилья тоже уехала из Венозана. Она отправилась в Страну Басков с Эриком Эзри, за которого и вышла замуж вскоре после рождения дочери. Линден хорошо знал, что Тилья очень привязана к родителям, она относилась к ним с невероятной нежностью и предупредительно-

стью, и он убедился в этом в очередной раз, когда Тилья взяла Поля за руку, потрясенная внешним видом отца: он казался таким одутловатым и усталым. Поль проворчал: все в порядке, никакого врача не нужно, он чувствует себя нормально, не надо о нем беспокоиться, ради бога! Ладно, согласилась Тилья, беря булочку с шоколадом, будем беспокоиться из-за паводка. Им все-таки здорово повезло, что их отель не в зоне наводнения, да? Какая Лоран молодец, что забронировала именно его, прямо как чувствовала. Мать ответила, что понятия не имела, в опасной зоне отель или нет, впрочем, как и ресторан, в котором они сегодня будут ужинать. Она уже подтвердила заказ по интернету. Мать и дочь болтали как ни в чем не бывало, а отец с сыном молчали. В их семье всегда было так. Хотя когда Линден уехал из дома и поселился в Париже, он молчать перестал. Все комплексы, одолевавшие его в Севрале, в коллеже вдруг исчезли. В большей степени благодаря Кэндис. Тетка походила на его мать внешне: тоже была высокой блондинкой с прекрасной фигурой, но в отличие от Лоран у нее имелось еще одно качество – она прекрасно умела слушать. Когда Линден поселился в ее квартире на улице де л'Эглиз, она ни о чем его не стала спрашивать, она была очень понимающей и сердечной. Едва переступив порог ее дома, он почувствовал, что здесь ему рады. Она и внешне была элегантней его матери – безупречное каре, узкая прямая юбка и туфли на шпильках, – и образ жизни у нее был совсем другой. Стены ее квартиры были

сплошь увешаны книжными полками, и часто, возвращаясь после уроков, он видел, как она сидит на диване, погрузившись в чтение, а на коленях свернулся кот Кекс. Разговаривали они по-английски, хотя французский Кэндис был превосходным, лишь с легким американским акцентом. В Париже она жила уже больше пятнадцати лет. Когда-то собиралась замуж за француза с дворянской фамилией, но что-то не сложилось. Кэндис продолжала ждать и постепенно чахла. Она преподавала американскую литературу в одном из парижских университетов, легко заводила друзей, но время шло, и когда Линден к ней нагрязнул, ей уже перевалило за сорок, и была она, как сама признавалась с иронией, уже далеко «не первой свежести». Она не задавала никаких вопросов, он тоже, и эта сдержанность устраивала их обоих. Они говорили обо всем, кроме них самих. Линден довольно скоро понял, что тетка несчастна, хотя сама она не сказала об этом ни слова. Она продолжала видеться с тем французом, бывшим женихом, который давно уже женился на другой. Племяннику она об этом, разумеется, не рассказывала, но он догадывался и сам: иногда по вечерам она куда-то уходила – оживленная, стремительная, с легким румянцем, в красивом шелковом платье, а возвращалась в полночь поникшая, растрепанная, в мятом платье, очень грустная. Линден не помнил имени этого француза, только инициалы: Ж. Г. В каком-то смысле Кэндис понимала Линдена, как никто другой, она была невероятно чуткой и умела сопереживать. Ему

всегда было хорошо с ней, еще с тех пор, когда она приезжала к ним летом в Венозан, и они вместе гуляли по саду. Она не любила, чтобы ее называли «тетя Кэндис», для него и Тильи она всегда была Кэнди.

«О чем ты думаешь, парень? У тебя грустный вид».

Голос сестры резко вернул его к действительности. Линден ответил: «О Кэнди» и тут же об этом пожалел, увидев, как наполнились слезами глаза матери. Он прошептал, как жаль, когда он здесь, в Париже, он все время вспоминает тетью и не может ничего поделать. Ему так ее не хватает. Мать промокнула салфеткой веки. Она молчала, но он слышал ее голос так четко, как будто она произносила вслух: «Допустим, тебе ее не хватает, Линден. Но ты даже не приехал на кремацию, якобы не мог отменить назначенную съемку, ты бросил нас с Тильей, ты не прочувствовал с нами ее смерть и весь тот ужас, что был потом». Все долго молчали, единственными звуками, которые воспринимал Линден, был шум дождя за окном, стук отцовской ложки и приглушенные голоса из холла. Сам он не произнес ни слова, ему не хотелось говорить на такую болезненную тему, как смерть тети в 2012 году, не хотелось вспоминать короткую эсэмэску, которую он получил, находясь на другом континенте и в другом часовом поясе, и никогда не сможет забыть: «Срочно позвони. Кэнди умерла». Мать упрекала его напрасно, тогда он сделал все возможное, чтобы приехать как можно быстрее, но эта съемка, огромный бюджет, знаменитый американский актер,

известный парфюмерный дом... В общем, перенести было нельзя. Когда он наконец прилетел в Париж, Кэнди уже кремировали. Она оставила письмо, где дала предельно четкие указания: никакой мессы, никакой церемонии, никакой могилы, никаких цветов. Родители и сестра могут сделать с ее пеплом, что сочтут нужным. Долгое время ее прах оставался в урне в гардеробной Лоран в Венозане, пока она не решилась и не развеяла его над шиповником, который Кэнди так любила.

* * *

Сгорбившись под зонтиками, они под проливным дождем с трудом брели по бульвару Распай, с которого сейчас исчезли не только пешеходы, но и автомобили. Лоран и Тилья шли впереди, а Линдену приходилось замедлять шаг, чтобы приспособиться к походке отца, странно подволакивающего ногу. Он так привык к стремительной поступи Поля, что этот новый ритм выводил его из себя. Впрочем, отец выглядел лучше: не такой бледный и отечный. Поскольку три крупных музея оказались закрыты, Лоран перешла к плану Б. Когда они добрались до универмага «Бон Марше», ботинки Линдена промокли насквозь и ноги заледенели. У других было то же самое, но никто не жаловался, ну и он не стал. Когда они закрыли за собой дверь, их окутал горячий воздух, наполненный восхитительными ароматами. В роскошном уни-

вермаге толпились промокшие до нитки клиенты, которые были счастливы оказаться здесь, в этой теплой гавани. Линден по-прежнему сжимал ладонь Поля.

«Все хорошо?» – спросил он Поля по-французски, склонившись к нему. Они с сестрой никогда не разговаривали с отцом по-английски, точно так же как с матерью по-французски. Поль кивнул. Сейчас он выглядел вполне прилично, разве что казался немного заторможенным. На щеках пылали два ярких, словно нарисованных, пятна. Линден спросил у отца, не хочет ли он присесть, тот был не против. Тилья вспомнила, что на третьем этаже есть кафе. Несмотря на толпу, им даже удалось найти свободный столик. Линден смотрел на руки отца, обхватившие чашку с кофе. Удивительные руки, сильные и такие изящные. Внезапно он заметил, что их кожа покрыта морщинами и темными пигментными пятнами. Это были руки старого человека. Линден вытащил камеру, чтобы всех сфотографировать. Его семейство к этому так привыкло, что даже не обратило внимания.

Линден начал фотографировать лет в двенадцать, когда жил еще в Венозане. Он решил летом подработать у одного пожилого свадебного фотографа, господина Фонсоважа. То, что поначалу казалось скучной обязанностью, превратилось в настоящую страсть. Камера-обскура завораживала его. Он внимательно наблюдал за старым фотографом: как тот выкладывает удачные негативы на пластины, как склоняется над кюветой, поднимая очки на морщинистый лоб. Госпо-

дин Фонсоваж был человеком педантичным и тщательно отбирал окончательный вариант. Он не хотел разочаровывать клиентов. Ведь свадьба – самый важный день в их жизни, правда? Проявлять пленку следовало в полной темноте. Как это делается, господин Фонсоваж подробно объяснял и показывал при свете, используя испорченную пленку. Линден смотрел, как узловатые стариковские руки бережно и аккуратно обращаются с пленкой, держа ролик между большим и указательным пальцами, как он ловко прилаживает концы, подкладывает один под другой, обрезает. Так Линден учился ремеслу. Видя успехи и усердие своего ученика, старик подарил ему зеркальный фотоаппарат «Практика L2», уже довольно изношенный, но вполне действующий, изготовленный еще в 1979-м. Новичку управляться с ним было непросто, но Линден довольно быстро приспособился. Его любимыми натурщиками были сестра и родители. Поначалу его привычка наставлять на них объектив очень раздражала, потом он научился делать это более осторожно, а они или притворялись, что ничего не замечают, или, наоборот, позировали, как профессионалы. Он фотографировал мать, принимающую солнечные ванны, отца, рассматривающего деревья, сестру, которая корчила рожи и шутливо грозила ему пальцем. Фотографировал своих немногочисленных друзей. Он предпочитал черно-белую пленку и сам делал отпечатки под наблюдением господина Фонсоважа. Действуя методом проб и ошибок, он экспериментировал со светом и те-

нюю. Линден не собирался заниматься этим профессионально, для него это было просто хобби, он и сам не осознавал, какое место фотография занимает в его жизни. Когда ему было пятнадцать, они всей семьей поехали на неделю в Венецию. У Поля, Лоран и Тильи были одноразовые «мыльницы», а у Линдена его верная «практика». Когда они вернулись домой, то собрали все свои фотографии в один альбом. Три набора оказались практически одинаковыми, а четвертый, Линдена, отличался от других. Он не делал стандартных снимков туристических мест: мост Вздохов, Риальто, площадь Святого Марка, он предпочел запечатлеть старую, всю в черном женщину, которая сидела на скамейке и смотрела, как перед ней, словно стадо баранов, проходит толпа туристов, или кошку, бродившую после дождя по мокрой улице Дорсодуро, или дверные колокольчики, такие типичные для этого города, или официанта, который смолил сигарету, стоя в дверях бара «Гарри», и ворошил напoмаженные волосы.

Сейчас Линден направил свою «лейку» на мать и сестру и несколько раз нажал на спуск. Ему нравились аппараты с серебросодержащими материалами, такие камеры издавали совсем другой звук, чем цифровые, ему нравился механический шелест пленки, которая наматывалась на катушку. Сегодня для большинства его заказов требовалась цифровая техника, и он к этому приспособился, но по-прежнему питал слабость к старым аппаратам. Эту свою «лейку М4-Р», изготовленную в Канаде, он приобрел по случаю на бло-

пином рынке в Сент-Уан, на свое семнадцатилетие. Тогда все семейство скинулось ему на подарок, включая бабушку и дедушку из Бостона. Покупка оказалась не такой дорогой, как предполагалось, в аппарате имелся дефект, о котором его честно предупредил продавец: проблема с затвором, из-за чего картинка получалась чуть искаженной, и починка стоила дороже, чем сама камера. Но когда Линден обзавелся черной коробочкой со штемпелем Лейтц и с наслаждением почувствовал в ладони ее тяжесть, то понял, что именно это ему и нужно. Это был аппарат его мечты. Именно «лейкой» пользовались Альфред Эйзенштадт, когда запечатлел на пленке легендарный поцелуй на Таймс-сквер в 1945 году¹, и Ник Ут, когда фотографировал вьетнамских детей, бегущих от горящего напалма, в 1972-м², и Альберто Корда, который в 1960-м увековечил Че Гевару в его берете³. Линден отдаст ее в ремонт позже, когда у него появятся средства. А его первые фотографии были прочерчены странными полосами-ниточками теней, изображение расплывалось какими-то фантастическими формами. Он понял, что плотность

¹ Имеется в виду знаменитая фотография «День Победы над Японией на Таймс-сквер», на которой запечатлен американский моряк, целующий медсестру, одетую в белое платье, 14 августа 1945 года на Таймс-сквер, Нью-Йорк. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Фотография «The Terror of War» («Ужас войны») также известна как «Напалм во Вьетнаме».

³ Альберто Корда – кубинский фотограф, автор знаменитой фотографии Че Гевары «Guerrillero Heroico» («Героический партизан»).

теней увеличивается в зависимости от скорости срабатывания затвора, и научился использовать этот фактор, выработав собственную технику. «Лейка» была с ним значительную часть жизни. Этим аппаратом он сделал знаменитую фотографию отца, ту самую, которая и определила его судьбу, когда ему было восемнадцать и он еще жил у Кэндис.

Он не раз рассказывал историю этой фотографии. Рано утром в воскресенье, 26 декабря 1999 года в квартире Кэнди зазвонил телефон. Лоран, вне себя от радости, сообщила о прибавлении в семействе: ночью в клинике Биаррица у Тильи родилась дочь. В этом году традиционное Рождество в Венозане не праздновали, потому что схватки у Тильи начались 24-го, и Лоран помчалась в Биарриц к дочери. Линден остался у тети, а Поль приехал к ним в Париж. Он остановился в отеле неподалеку, на проспекте Феликса Фора. Ночью в городе разразилась настоящая буря, но истинные размеры бедствия Линден осознал только утром, когда, поговорив с матерью по телефону, открыл ставни. Сквер под окнами, казалось, подвергся бомбардировке. Упавший каштан раздавил музыкальный киоск, вся улица была завалена ветками. Включив телевизор, Линден узнал, что ночью опустошительный ураган пронесся по Франции с запада на восток, сея разрушения от Бретани до Эльзаса, затронув Париж и Иль-де-Франс. Погибло около сотни людей. Три миллиона семей остались без электричества. Когда потрясенный Линден смотрел страшные кадры прошедшей над Франци-

ей бури, позвонил отец. Голос был приглушенным, Линден с трудом его узнал. Сперва он подумал, что с ребенком Тильи проблемы. Но отец сказал, что ему нужна машина Кэнди, срочно нужна, прямо сейчас. Он должен ехать в Версаль. Как можно быстрее. Версаль? Почему Версаль? Линден ничего не понимал. Попросив у Кэндис ключи от машины, он оделся и быстро спустился по лестнице. За всю дорогу отец не произнес ни слова. Но, видя сотни поваленных деревьев на дорогах, Линден стал осознавать размеры катастрофы. Из-за разрушений, вызванных бурей, автострада была перекрыта, и до дворца им пришлось добираться по местным объездным дорогам. Перед воротами в парк стояло полицейское заграждение, но когда отец назвал свое имя и имена тех, кто его ждал, их сразу же пропустили. Во дворце были разбиты сотни окон. У края парка стояла группа людей, они бурно приветствовали отца, словно своего спасителя. Среди них был и главный садовник Версаля, человек неопределенного возраста, маленький, бородатый. Он не мог скрыть отчаяния; взяв отца за руку, прошептал, что последствия урагана просто катастрофические. Пройдя со всеми вглубь парка, Линден понял, что этот человек несколько не преувеличивал.

Перед ними открылось ужасающее зрелище: хаос и разорение. На развороченной земле валялись вырванные с корнем деревья; они, как поверженные часовые, вздымали вверх свои узловатые корни, словно руки в безмолвной мольбе. Некоторые деревья были расколоты пополам, как будто

шквал ветра, обрушившийся на них, был великаном с тяжелым топором. Фотографируя все, что видел по пути, Линден слушал рассказ бородача, который вел их по этому чудовищному лабиринту из обломков; ураган бушевал более двух часов, а садовник, беспомощный и оцепеневший от ужаса, мог лишь смотреть из окна на эту ярость, не знающую пощады. Из двухсот тысяч деревьев парка погибли десять тысяч. Оранжерея была разворочена. Сады, заложенные еще Леном, роши, живые изгороди и цветники превратились в жалкую груды сломанных веток. А самое ужасное, продолжал садовник, что уничтожены самые старые, редчайшие деревья, такие как тюльпанное дерево Марии-Антуанетты в Трианоне или старейшина этого парка – дуб, посаженный еще при Людовике XIV. Линден шагал позади отца и не видел его лица, но инстинктивно ускорил шаги, чтобы догнать его, прокладывая себе путь среди обломков.

«Мы потеряли три века истории», – прошептал садовник, когда они добрались наконец до смотровой площадки напротив Большого канала. Отсюда картина катастрофы предстала во всей своей ужасающей полноте, перед ними расстилалось безграничное пространство, заваленное стволами деревьев, как поле боя – трупами. Линден посмотрел на отца, он никогда не видел у него такого жесткого выражения лица. Держа руки в карманах, Поль направился к дворцу. Внезапно он остановился, присел на корточки и положил ладонь на упавшее дерево. Он по-прежнему молчал, и Линден тоже не знал,

что сказать. Взяв свою «лейку», он три раза подряд сфотографировал отца. И только через видоискатель увидел, что Поль беззвучно плачет, а черты лица искажены болью. Он убрал аппарат и сел рядом с отцом, крепко обхватив его руками, чувствуя, как рыдания сотрясают тело.

Когда несколько дней спустя Кэндис увидела эту черно-белую фотографию, у нее перехватило дыхание: запрокинутое к небу бледное лицо Поля, руки, прижатые к мокрым от слез щекам. За его спиной вырисовывались угольно-черные стволы деревьев, но неисправный затвор внес в снимок свои коррективы: на коре виднелись какие-то призрачные тени, и деревья были похожи на окровавленные останки. Это было нечто невероятно волнующее и пронзительное. Можно она покажет фотографию приятелю-журналисту? Он как раз ищет снимки урагана, что-нибудь небанальное. Линден согласился, уверенный, что ничего из этого не выйдет. В июне он сдал экзамены и получил аттестат, и сейчас работал в фотолаборатории у площади Бастилии, не слишком представляя себе, что будет делать дальше. Он стоял за кассой, занимался заказами и доставкой. Проведя три года в Париже, он не собирался возвращаться в Севраль и Венозан: его зарплата позволяла ему не торопиться с решением и подумать. И хотя жить вместе с Кэнди было вполне приятно, все же ему хотелось немного независимости.

Фотография была опубликована в «Геральд трибюн» в начале января 2000 года, и на Линдена Мальгарда обрушил-

ся шквал звонков. Он может прислать портфолио? Поражительный черно-белый портрет Арбориста, обхватившего голову руками, с залитым слезами лицом, когда он смотрел на разоренный ураганом парк Версаля, не остался незамеченным. Но никакого портфолио у Линдена не было, только несколько личных работ, которые он не собирался обнародовать. И хотя он, конечно, радовался этому вниманию к своей фотографии, показать свои работы не мог. Родители упрекали его за нерешительность, убеждали, что он должен стать профессиональным фотографом. «Он не готов! – кричала по телефону Тилья из своего Биаррица, держа у груди маленькую Мистраль. – Ему же и девятнадцати нет, дайте ему время подумать!» И он остался в своей фотолаборатории, затем несколько месяцев спустя подал документы в Школу визуальных коммуникаций, не надеясь, что его примут. На устном экзамене, когда он показывал свои работы, одна преподавательница заявила, что уже видела фотографию «Арборист» и хорошо ее помнит. Родители и тетка оплачивали его занятия все три года обучения, с 2000 по 2003 год. Во время учебы Линден продолжал работать в разных фотолабораториях, был приглашенным фотографом на праздниках, свадьбах и конференциях. Эти доходы позволяли ему оплачивать небольшую студию, пока в 2005 году он не заключил свой первый серьезный контракт и не смог перебраться в более удобную квартиру на улице Брока.

«Можно я сама тебя сфотографирую, один раз, – сказала

мать, беря у него из рук „лейку“. – А, так это все та же старая шутовщина? Как тут свет ставить, куда нажимать?»

Линден улыбнулся, забрал у нее аппарат, быстро его настроил. Обхватил Тилью за плечи и притянул к себе. Она скорчила рожу. Давайте без глупостей, нахмурилась мать, ей хотелось получить хорошую фотографию своих детей. Поль наблюдал эту сцену с мягкой улыбкой на лице, которое по-прежнему отличалось нездоровой краснотой. Почему у него такой заторможенный вид? – недоумевал Линден. Отец был не слишком разговорчив, к этому все привыкли, но теперь глаза его казались настолько пустыми, не выражали вообще никаких эмоций, словно все ему было безразлично, словно Поль то ли дремал, то ли был пьян. Лоран жаловалась на плохую погоду, которая нарушила все их планы на сегодняшний день, а она так старалась, придумывала. Она планировала посещение нескольких музеев, небольшую прогулку по Сене, чаепитие в кафе-кондитерской.

«Можно сходить в кино, – предложила Тилья, демонстрируя свой привычный практицизм. – В зале не капает».

Лоран зааплодировала: прекрасная идея, так и сделаем. Наверняка можно найти какой-нибудь хороший фильм. Еще четверть часа мать и дочь, уткнувшись в телефоны, искали что-то подходящее. Поль сидел, по-прежнему не произнося ни слова. Он не скучал, не выказывал никакого нетерпения: он просто отсутствовал. Линдену так хотелось протянуть руку, похлопать его по плечу, заставить вернуться на

землю. Но сделать так он никогда не решался. Отец всегда жил в каком-то другом мире, куда Линдену доступа не было. Но неужели Линден не пытался проникнуть в этот другой мир? – Нет, – отвечал он на Сашин вопрос. – Почему? – Потому что не знал как. Не знал, какие говорить слова. Как вообще подступить к этой теме. По мнению Саши, это было очень просто, например, поехать в Венозан, пригласить Поля на обед, потом отправиться с ним на прогулку и там, на природе, поговорить в открытую. Найти подходящие слова, чтобы между отцом и сыном установилась связь. Как-то вечером после ужина в их доме на Элизабет-стрит Линден грустно признался Саше, что уже слишком поздно. Отцу скоро будет семьдесят, ему самому тридцать семь. Слишком поздно, чтобы начинать общение. И потом, не то чтобы они с ним ссорились. Нет, они никогда не ссорились, между ними не было никаких конфликтов. Возможно, случись какой-нибудь конфликт, стало бы проще. Да, любовь была, но ее никогда не показывали. Тем же вечером, держа на коленях кошку, Линден признался, что, возможно, отец просто разочаровался в нем. Он оказался не тем сыном, о котором Поль мечтал. В глазах Саши читалось удивление: он в своем уме? Линден идеальный сын, как можно говорить подобную глупость? Любой, кто с ним общался, просто покорен его характером, его добротой, талантом, чувством юмора. Не говоря уже о внешности. Линден смущенно улыбнулся, он не сомневался, Саша понял, о чем он подумал. Он взял

любимую руку, сжал ее. В Сашиных глазах читалась нежная грусть, а еще жалость, которая воскресила в его памяти все эти ужасные воспоминания детства, вроде бы далеко запрятанные в душе, но по-прежнему острые и мучительные, воспоминания об одиночестве и травле, об оскорблениях, которые бросали ему в спину мальчишки в Севрале.

Линден не раз спрашивал себя, какие отношения были у Поля с его собственным отцом. Он знал, что в год его смерти, в 1970-м, отцу было всего лишь двадцать два. В Венозане на стене вдоль лестницы висело несколько фотографий в рамках. Они всегда завораживали Линдена. Вот Морис Мальгард, этот лжебарон, стоял, важно выпятив грудь, подняв бокал шампанского, под руку с пухлой женщиной. Наверное, Иветта, его прабабка. Это был, наверное, необыкновенный человек. Франсуа, дед, которого он не знал, сидел на террасе в соломенной шляпе, читал газету. Свою бабушку родом из Монтелимара, которую звали Мирей, Линден тоже не знал, она второй раз вышла замуж и умерла задолго до его рождения. Интересно, Франсуа и Поль ладили друг с другом? А с кем его отец разговаривал? С Лоран? С Тильей? Со своим садовником Ванделером, который работал в семье уже много лет? Или с тем, другим типом, с которым они управляли имением, такой крепкий парень с южным акцентом, они любили вместе проводить время? А каким подростком был Поль? То, что он фанатеет от Дэвида Боуи, Линдену было известно, но это практически все, что он знал об отце, ну кро-

ме его огромной любви к деревьям. Линден с другого конца стола наблюдал за отцом, краем глаза ловя направленный на него изумленный взгляд Тильи. Для своего единственного сына Поль Мальгард оставался загадкой.

После фильма, оказавшегося в конечном итоге банальной американской комедией, они вернулись в гостиницу. Мобильник Линдена завибрировал, это была эсэмэска от Ориэль: «Ситуация все хуже. Дождь продолжается, вода в Сене поднимается слишком быстро. Судоходство прервано. Оставайтесь в отеле. Или вы собираетесь уезжать? О.»

Или вы собираетесь уезжать? Наверняка она написала это, заразившись пессимизмом своего приятеля из мэрии. Потом пришла эсэмэска от Саши: «Все в порядке? Новости из Парижа тревожные». Линден включил телевизор. Вода уже просачивалась в метро, самая тяжелая ситуация наблюдалась возле музея Орсэ. На всех каналах, перекрикивая друг друга, эксперты обсуждали последние события, и вскоре Линден, вдоволь наслушавшись их воплей, мог бы присоединиться к общему хору: исключительно обильные осадки прошлого лета, слишком теплая зима, вызвавшая преждевременную оттепель, пропитавшаяся влагой земля, непрерывные дожди. Но как обуздать катастрофу, никто не знал.

Два года назад парижская мэрия устроила что-то вроде репетиции, чтобы население знало, как действовать, если вода поднимется выше критической отметки, то есть выше четырех метров. Но, судя по всему, люди оказались не гото-

вы к неминуемому наводнению. Совершенно сбитый с толку, Линден слушал одного эксперта за другим. Женщина лет сорока в очках, рыжеватая, низким голосом повторяла, что, несмотря на современные технологии, исследования в области проектирования, долгосрочные прогнозы, укрепление берегов Сены специальными конструкциями, чтобы держать под контролем водный путь, углубления русла и так далее, подъем воды может достичь уровня 1910 года, и никто и ничто не в силах этому помешать. «Иными словами, полный хаос», – заявила она не без удовольствия. Ее возмущенные оппоненты принялись злобно возражать: по их словам, ситуация под контролем; если понадобится, вмешается армия, жителей эвакуируют, но повторение катастрофы 1910 года совершенно исключено. Рыжая экспертша сохраняла спокойствие. «Вы сами вскоре убедитесь, – повторяла она бесстрастным, даже равнодушным тоном. – Это голая математика. Надо смириться с неизбежностью. Нет никаких сомнений, что Парижу угрожает такое же катастрофическое наводнение, как и в 1910 году. А возможно, и хуже». Линден слушал не отрываясь, а она продолжала спокойно и беспристрастно: люди должны осознать, что по сравнению с 1910 годом топография Парижа коренным образом изменилась: вследствие урбанизации земля покрыта толстым слоем бетона, почва изрыта, построены глубокие паркинги, проложены тысячи километров дорог, освоены новые земельные участки. Дождевая вода, сбегаящая с крыш, теперь не проникает

в почву, а изливается прямо в реку.

Линден выключил телевизор. Все эти пророчества выводили его из себя. Может, и правда, пора уезжать. Может, им всем лучше убраться отсюда подобра-поздорову, пока вода еще стоит у колен Зуава. Бог с ними, с их планами: день рождения Поля, ресторан, наверное, надо последовать совету Ориэль и уехать. Он послал эсэмэску Тилье, поделившись своими сомнениями. Ответ получил сразу же: «Уехать? Ты что, парень, сбрендил?!»

Ну ладно, тогда завтра рано утром. Действовать придется быстро. Самое главное – благополучно отправить родителей обратно в Дром. Конечно, с билетами будет кошмар, но как-нибудь разберутся. Потом Тилья вернется в Лондон, а он в Сан-Франциско. Другого выхода нет. Тилья вроде бы согласилась. Но... может, он все-таки преувеличивает? «Включи телевизор», – сухо посоветовал он ей. Несколько минут спустя она прислала ему плачущий смайлик с подписью: «Черт! Вот дерьмо!»

Линден не собирался засыпать, но, видимо, все-таки задремал и проснулся оттого, что кто-то колотил в дверь, за окном было уже темно. За дверью стояла горничная, она спросила, надо ли застилать кровать. Он посмотрел на часы: почти восемь. Как он мог проспать так долго? На сборы у него оставалось всего лишь несколько минут. Он выдернул из шкафа зеленый бархатный пиджак и белую рубашку. Туфли не высохли, и он натянул их с гримасой отворачи-

ния. Внизу его уже ждали Тилья, Лоран и Поль. Едва спустившись, Линден тут же бегом помчался опять по лестнице вверх, он забыл подарок отцу, пластинку Боуи.

Чтобы добраться до ресторана «Вилла Роз», который находился совсем недалеко, на улице Шерш-Миди, они вызвали такси. Если бы не дождь, они бы, конечно, пошли пешком, но сейчас никому не хотелось мокнуть. Линден заметил, что Поль выглядит получше: щеки не такие красными, да и глаза повеселели. Их ждал чудесный семейный ужин. Тогда почему Линдена не отпускало какое-то чувство беспокойства? Он боялся, что они поругаются с Тильей? Вообще-то, они не ругались уже давно, но Тилья вела себя совершенно непредсказуемо, из-за ерунды выходила из себя, а он отвечал. Она могла взорваться прямо посреди вполне, казалось бы, безобидного разговора, начать грязно ругаться, он ненавидел эти ее состояния. Может, она таким образом хотела привлечь внимание, шокировать или спровоцировать собеседника? Непонятно. Он изо всех сил старался унять беспокойство. Ресторан оказался очень уютным и теплым: еще одно прибежище, спасающее от ледяного дождя. Им сразу же принесли шампанское. Народу было очень много, но разговаривать это не мешало. Линден разглядывал интерьер: кремовые и бледно-розовые тона, мягкое освещение. Молодая официантка приняла заказ. На Поле был темный костюм, белая рубашка и галстук. Казалось, он чувствовал себя неловко в этой одежде, оттягивал ворот, будто

тот ему жал. Лоран, в великолепном платье синего шелка, с убранными назад волосами, постоянно чихала. Она простудилась во время сегодняшней прогулки под дождем и не могла скрыть досады. Время от времени она с раздражением сморкалась. Ноздри были уже красными, а голос хриплым. Линден обратил внимание, что она часто посматривает на свой телефон.

Ужин был превосходным. Разговор тек легко и непринужденно, все смеялись, опасных тем, например, алкоголизма Колина, старались не касаться. Блюда были очень вкусными, вино замечательным. Когда под бурные возгласы соседних столиков задули свечи и распаковали подарки, Поль решил произнести речь, хотел поблагодарить всех присутствующих. Он очень счастлив оказаться в Париже, в котором не был давно, ему лишь хочется, чтобы кончился дождь и они смогли приятно провести оставшееся время. Голос у него был странным, он задыхался и делал частые паузы, дрожащей рукой поднося ко рту стакан с водой. Речь была спутанной, порой сидящие за столом вообще не могли разобрать слов. Линден и Тилья встревоженно переглядывались. Внезапно лицо отца скривилось болезненной гримасой, превратившись в гротескную маску. Это был он и в то же время не он, словно какая-то невидимая сила стянула вверх и скомкала одну сторону его лица. Он замолчал и, когда Тилья спросила, все ли в порядке, лишь глубоко вздохнул.

Это произошло в следующую минуту, когда они попроси-

ли официантку принести еще воды. Чуть слышно икнув, он внезапно тяжело осел на стул, голова опрокинулась вперед, и подбородок уткнулся в грудь. Лоран испуганно окликнула его, но Поль рухнул на стол, стукнувшись лбом о тарелку и опрокинув бутылку вина. Затем он завалился набок и с глухим звуком упал на пол. Раздались крики, вокруг столпились люди. Линден, стоя на коленях, держал в руках лысую голову отца. Глаза Поля были прикрыты, виднелись только белки, кожа казалась совсем серой. Тилья и Лоран от ужаса не могли пошевелиться. Линден кое-как расстегнул тесный ворот, приложил дрожащие пальцы к сонной артерии. Ему показалось, что он чувствует слабую пульсацию, но он не был уверен. Он склонился еще ниже, спросил у отца, слышит ли он его голос. Волноваться не надо, все будет в порядке, сейчас ему помогут. Линден не знал, так ли это, но в этот страшный момент не мог сказать ничего другого. Он даже не знал, слышит ли его Поль, жив ли он вообще. Подняв голову, он осмотрелся, увидел вокруг незнакомые, любопытные лица. Внезапно в тишине раздался громкий голос Тильи: «Кто-нибудь вызовет эту чертову „скорую“?» – и он готов был обнять сестру.

Резкий окрик словно вывел всех из ступора: тут же убежала хозяйка ресторана, крича, что сейчас позвонит в скорую, подошел какой-то человек, еще держа в руке салфетку, заявил встревоженному семейству, что он врач, спросил, нужна ли помощь. Он присел на корточки рядом с Линде-

ном, взял запястье Поля, одновременно пытаюсь проверить реакцию зрачков. Линден в слезах спросил: отец умирает? Нет, не умирает, но его нужно как можно скорее перевезти в больницу, нельзя терять ни минуты.

«Скорая» ехала целую вечность. Тилья и Лоран заливались слезами, Линден сидел на полу рядом с отцом и просто ждал, стиснув зубы. Вблизи отец казался неживым. Линден не мог, не хотел в это поверить. Его отец не может умереть. Казалось, все это дурной сон, но нет, это происходило на самом деле, он чувствовал синтетический запах коврового покрытия, ощущал его короткие жесткие волоски под щекой, слышал, как сморкается мать, еще слышал шепот, позвякивание приборов – посетители ресторана продолжали ужинать. Когда медицинская бригада наконец появилась, все дальнейшее произошло очень быстро. На вопросы отвечал он: мать и сестра не могли произнести ни слова. Поль Мальгард, семьдесят лет, в настоящий момент никакого лечения не проходит, да, в последнее время проявлял признаки усталости, да, внезапно ему стало сложно выговаривать слова, да, лицо вдруг перекосилось, нет, раньше такого не наблюдалось, нет, никаких серьезных проблем со здоровьем до этого не было.

В «скорой» имелось лишь одно место для сопровождающего. Линден велел матери и сестре вернуться в отель. Когда что-нибудь станет известно, он позвонит или пошлет эс-эмэску. Он сам всем займется, пусть не беспокоятся. Лоран

кивала, прижимая платок то к мокрому носу, то к глазам. Она указала Линдену на карман куртки Поля. Порывшись, Линден достал оттуда бумажник отца с удостоверением личности и карточкой социального страхования.

«Постойте!» – воскликнула вдруг Лоран. Покопавшись в сумке, она протянула ему какой-то документ, и Линден догадался, что это полис взаимного страхования. Отец лежал на носилках без сознания, с кислородной маской на лице и с капельницей в вене, а Линден удивлялся сам себе: почему он не паникует, не выходит из себя, не теряет самообладания, впопад кивает головой, отвечая на вопросы врачей, ловко взбирается в машину. Белый пикап с пронзительной сиреной несся по мокрым улицам, а двое медиков продолжали заниматься отцом. Линден обратил внимание, как сильно бьется его сердце, но эти удары были единственным признаком его смятения. Он все порывался спросить у этих людей, умрет ли отец, но все были так заняты. И все-таки один вопрос он задать решился, ему хотелось узнать, куда их везут.

«В больницу Жоржа Помпиду, в Пятнадцатый округ», – ответили ему. Это была очень известная больница, с хорошей репутацией.

Автомобили расступались перед ними, пропуская «скорую помощь». Поля везли в отделение интенсивной терапии, Линдена туда не пропустили. Он должен был отправиться в регистратуру на первом этаже, чтобы уладить всякие формальности. «Скорую» встретили два санитары, они

взглянули на лежавшего на носилках больного и без промедления переложили его на каталку. Двери закрылись, Линден остался один и отправился на поиски стойки регистратуры. Больница была большой, современной, сияющей ослепительной белизной, с кадками искусственных растений в коридорах. Там витал особый больничный запах: спертого воздуха, переваренных овощей, дезинфицирующих средств. Линден пристроился в конец довольно длинной очереди перед стойкой регистратуры. Отправил сообщение матери и сестре, чтобы сообщить, что они добрались. Ожидание оказалось долгим. Внезапно он почувствовал, как наваливается усталость. Бросил взгляд на экран телефона, чтобы узнать время – почти полночь. Он хотел, чтобы Саша был рядом. А если позвонить прямо сейчас? Нет, лучше дожидаться новостей о Поле. У людей вокруг было одинаковое выражение лица, все казались усталыми и какими-то оглушенными. Он думал, почему они все здесь, что с ними случилось.

Наконец подошла его очередь и он сел перед окошечком. Равнодушная служащая по ту сторону стола едва взглянула на него. Он протянул ей удостоверения личности, обе страховки отца. Длинные розовые ногти колотили по клавишам. Наконец женщина подняла глаза: лет сорок пять, желтая полинялая блузка, черные волосы собраны на затылке. К большому удивлению Линдена, она вдруг доброжелательно улыбнулась, и улыбка осветила ее лицо.

«Это ваш отец?» – осведомилась она, возвращая ему до-

кументы. Чувствуя комок в горле, Линден кивнул. Женщина спросила его имя и номер телефона, записала все в карту, затем предложила подождать на четвертом этаже, в отделении интенсивной терапии. Когда он вставал со стула, она мягко добавила: «Удачи, месье».

* * *

Устроившись в комнате ожидания перед отделением, Линден стал просматривать полученную за это время электронную почту. Его агент просила периодически звонить, он должен был сообщать ей, что происходит, а он этого не делал. У него имелись некоторые обязательства на ближайшее время, и ей нужно было обсудить с ним кое-какие моменты. Может, со стороны ее работа и казалась простой – отправлять Линдена в разные города по всему миру. С ним работала целая команда: два помощника, Марлоу и Деб, а еще Стефан, незаменимый оцифровщик. Не говоря уже о его аппаратуре, которой с каждым годом становилось все больше: три «кэнона» и «хассельблад», объективы, штатив, ноутбук, кабели, резервное оборудование, осветительные приборы, фотозонты, фотоосветители, электрические удлинители, адаптеры, пинцеты разных размеров, липучки, подставки, рулоны задних планов, карты памяти, аккумуляторы для аппаратов и вспышек, зарядные устройства к ним. Прощай то время, когда он мог ездить налегке и садиться в самолет с од-

ним-единственным фотоаппаратом и несколькими кассетами пленки. Первым его агентом была не Рашель Йелланд, а Беатрис Мазе, которая обратила внимание на работы Линдена в 2005 году, когда тот трудился ассистентом фотографа Марка Клерже. Беатрис добыла ему первые контракты, совсем простые, Линден их выполнял без отвращения, но и без особого энтузиазма. Съемка для рекламы была для него всего лишь работой ради куска хлеба. А по-настоящему талант его был признан два года спустя, когда он выставил свои фотографии в галерее в Сен-Жермен-де-Пре. Он не любил искусственное освещение и избегал его, зато экспериментировал с бликами, с многократным экспонированием лиц и силуэтов, с зернистой фактурой, играл со светом. Снимки получались очень оригинальными и выразительными, совсем не похожими на штампованную с помощью фотошопа продукцию, которой кишели журналы. Рашель Йелланд, знаменитый американский агент, наткнулась на портреты Линдена, просматривая сайт галереи. Она сразу же нашла его работы в интернете и увидела «Арбориста, плачущего в Версале». Связалась с Линденом и встретила с ним, когда оказалась в Париже. Поначалу смущенный энергией Рашель, он все-таки решил ей довериться. Первые же заказы потребовали его присутствия в Америке. Линден, что совершенно естественно, решился на серьезный шаг и в 2009 году перебрался в Нью-Йорк. С его американским паспортом это оказалось несложно, как будто он в свои двадцать восемь лет

вернулся домой, вот только Соединенные Штаты он почти не знал. Рашель нашла для него комнату в Сохо, на Спринг-стрит, над бакалейной лавкой. Квартиру с ним делили художник и еще один фотограф. Раньше Линден довольно часто ездил в Бостон повидаться с бабушкой и дедушкой и время от времени в Нью-Йорк с матерью, однако к Манхэттену привык далеко не сразу. Он даже не подозревал, что до такой степени чувствует себя французом, и не сомневался, что говорит по-английски с сильным акцентом. Одно дело приезжать в этот город время от времени, и совсем другое – постоянно здесь жить. Ему никогда еще не приходилось слышать такого оглушительного шума: беспрестанный рокот автомобилей, гул строительных площадок, завывание сирен, пронзительные сигналы клаксонов, галдеж нескончаемых празднеств. Его комната находилась над бакалейной лавкой, открытой круглые сутки. В три часа ночи клиенты болтали на тротуаре, словно среди бела дня. Причем все это совершенно не раздражало его соседей по квартире, истинных нью-оркцев. В конце концов он привык и к шуму, и к болтливости этих самых соседей, так непохожих на его прежних, парижских, с теми за все время он не перекинулся и тремя словами. Но его по-прежнему поражала приветливость совершенно незнакомых ему людей, на улице ли, в магазине, которые заговаривали с ним, расспрашивали с доброжелательностью и нескрываемым интересом, узнав, что он из Парижа. Полгода спустя он переехал на 80-ю улицу в Верхнем Вест-

Сайде, между Амстердам-авеню и Коламбус, в трехэтажный дом с крутой лестницей, которая его не утратила. Здесь было гораздо тише и спокойнее, потому что улица упиралась в красивый парк за Музеем естественной истории. У квартиры имелось еще одно достоинство: выход на террасу на крыше, откуда он любил наблюдать восход над Центральным парком и закат над Гудзоном и Нью-Джерси. Его соседка снизу, Эмили, тоже приехала из Парижа. Она была шеф-поваром и большой фанаткой Эдварда Хоппера. Линден любил говорить с ней по-французски, ему это так редко удавалось в последнее время. Она водила его за покупками в Забар, а он тащился за ней, очарованный и ошеломленный этим изобилием разных товаров; она привела его в знаменитое кафе «Лало», между Бродвеем и Амстердам-авеню, в котором бок о бок сидели и ньюйоркцы, и туристы. Постепенно Линден включился в эту круговерть, но своим так до конца и не стал. У него появился круг общения, приятели, он наслаждался жизнью. Обычно рестораны были битком набиты, но всегда удавалось отыскать какое-нибудь новое привлекательное местечко. Нью-Йорк был городом теплым, гостеприимным, но Линдена все чаще посещала мысль: чтобы оценить его в полной мере, здесь нужно родиться. Квартал, где он теперь жил, напоминал ему Париж его юности, Пятнадцатый округ с его своеобразной смесью уродливых построек и богато украшенных особняков, разношерстной публикой, галдящими детьми, с его простотой. В работе –

спасибо Рашель – он недостатка не испытывал и был слишком занят, чтобы тосковать по дому. Поначалу все казалось не слишком увлекательным: бесконечные портфолио манекенщиц, рекламные съемки, хотя было вполне прибыльно. Каждый заказ он выполнял с усердием и рвением, и его усилия хорошо вознаграждались, к большому удовлетворению Рашель. Он приобрел имя: молодой франко-американский фотограф Линден Мальгард был нарасхват у владельцев известных брендов и иллюстрированных журналов. Сделанные им портреты, свежие, небанальные, несли печать его индивидуальности. Он играл со светом и тенью, с фактурой, с цветовой гаммой, он не выжимал из своей модели неприменной улыбки, которая казалась ему фальшивой и невыразительной, а предпочитал поймать какой-то особый момент: переживание, скрытую эмоцию. Для него сделать фотографию человека или места означало очертить некие неразличимые контуры, высветить неожиданные грани, придать им иное измерение, новую свежесть. Он не любил болтать во время съемок, но умел настроить человека на нужную волну. Он хорошо понимал, что в большинстве случаев моделью нужно немного поруководить. Он любил фотографировать знаменитостей, которые не испытывали никакого смущения перед объективом, умели позировать и, что называется, ловить свет. Вот тут нужно было убрать этот излишний «профессионализм», выявить что-то сокровенное, глубоко скрытое, о чем человек не подозревал и сам, некую уязвимую точ-

ку, нажать на нужную клавишу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.